М. М. ФИЛИППОВЪ

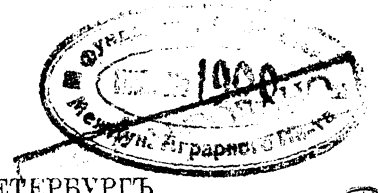
Проверено 1988 г.

СОЦІАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

(УЧЕНІЕ ГЕНРИ ДЖОРДЖА)

(Изданіе журн. Русск. Бог.)

Инв. № 1900



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1885

БС

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 іюня 1885 г.

Библиотека СССР
Академии Наук СССР
079
48

Въ жизни народовъ, какъ и въ жизни индивидуумовъ, бываютъ эпохи, требующія особеннаго напряженія умственныхъ силъ и способностей. По мнѣнію Джорджа, мы переживаемъ одну изъ такихъ эпохъ. Никогда еще общественные вопросы не были такъ сложны и не ставились такъ широко, какъ въ наше время; и это зависитъ отъ сложности новѣйшей цивилизаціи.

Развитіе общества представляетъ тѣсное сходство съ развитіемъ вида. Низшія животныя отличаются простотою организаціи и несложностью потребностей. Отдѣльныя части простѣйшаго животнаго едва заслуживаютъ названія органовъ. По мѣрѣ усложненія организма, онъ становится болѣе нѣжнымъ, т. е. поврежденіе одного изъ его органовъ можетъ отразиться на жизни всего организма.

Человѣкъ завершаетъ собою извѣстные намъ ряды органическихъ существъ; и онъ оказывается наиболѣе нѣжнымъ изъ всѣхъ животныхъ, т. е. наиболѣе чувствительнымъ къ поврежденіямъ отдѣльныхъ органовъ. Но тамъ, гдѣ оканчивается развитіе вида, начинается, по словамъ Джорджа, развитіе общества. Этотъ новый типъ развитія создаетъ новыя силы и, благодаря имъ, дикарь отличается отъ цивилизованнаго человѣка почти такъ же, какъ устрица отъ высшаго животнаго. Мы не видимъ конца этому развитію. Постоянно открываются новые горизонты, и воображеніе отказывается служить намъ.

Въ развитіи общества повторяется законъ, замѣченный въ развитіи индивидуума. Низшее животное можетъ жить и размножаться, несмотря на малый запасъ умственныхъ способностей: грубость организаціи служитъ достаточной защитой отъ вредныхъ

вліяній. Высшій организмъ требуетъ высшей, болѣе разумной дѣятельности. Тоже и въ обществѣ. Общественное развитіе ставитъ новыя требованія, являются новыя опасности, возникаютъ между людьми новыя отношенія, въ которыя необходимо внести разумъ и критику.

Въ первобытной общинѣ каждая семья производитъ все на себя, добываетъ себѣ пищу, одежду, строитъ хижину, переноситъ съ мѣста на мѣсто всѣ свои пожитки. Сравните независимость дикаря съ тѣсной зависимостью, связывающей интересы жителей большаго города. Даже вода и искусственный свѣтъ доставляются намъ трудомъ людей. Наши силы далеко превосходятъ силы дикарей; но это силы общества, а не индивидуума. Съ помощью желѣзныхъ дорогъ мы совершаемъ путешествія, невѣроятныя для дикаря, но за то жизнь тысячи людей зависитъ во время этихъ путешествій отъ бдительности машиниста и трезвости стрѣлочника. Даже возможность трудиться не составляетъ въ циливизованномъ обществѣ чего либо индивидуальнаго. Рабочій не знаетъ, найдетъ ли онъ завтра работу. Индивидуумъ мало по малу все болѣе подчиняется обществу.

Отсюда являются новыя опасности, неизвѣстныя дикарю. Первобытное общество сходно съ низшими животными по независимости своихъ единицъ. Можно сжечь деревню дикарей, не разворивъ ихъ въ конецъ, потому что они вскорѣ построятъ другую такую же. Цивилизованный человѣкъ не можетъ вдругъ создать своихъ богатствъ, еслибы ихъ вдругъ уничтожить. Кромѣ того онъ, по сравненію съ дикаремъ, отличается крайней личной безпомощностью. Раздѣленіе труда превращаетъ людей въ части одного сложнаго организма. Многіе ли изъ насъ съумѣютъ сшить себѣ сапоги, спечь хлѣбъ, исполнить всѣ земледѣльческія работы? Мы зависимъ отъ многихъ тысячъ людей, которые навсегда останутся намъ незнакомыми. Въ первобытномъ обществѣ связь между людьми имѣетъ болѣе личный, сосѣдскій характеръ; въ нашихъ городахъ жильцы одного и того же дома рѣдко знаютъ другъ друга: мы заслуживаемъ имени отшельниковъ болѣе, чѣмъ настоящіе жители пустынь. Общественный организмъ сталъ болѣе деликатнымъ, а между тѣмъ выработалъ орудія разрушенія, далеко превышающія

средства обороны. Явились крупповскія пушки и динамитъ, но связь между людьми не стала болѣе осмысленною, чѣмъ у дикарей: напротивъ того, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣчается шагъ назадъ. Во время общихъ бѣдствій дикари представляютъ стройно организованное племя; наша городская толпа часто дѣйствуетъ какъ стадо барановъ. Шайка воровъ могла бы сжечь цѣлый Лондонъ. Цивилизація несетъ съ собою разрушительныя силы, и не только въ области техники, но и въ области нравственной. Наши городскія трущобы скрываютъ одичалыхъ людей, передъ которыми гунны и вандалы кажутся культурными народами. Но не въ однихъ обитателяхъ подваловъ и чердаковъ, а въ каждомъ изъ насъ еще кроется натура дикаря. Цивилизованный человѣкъ пріобрѣлъ изящную внѣшность, но сохранилъ еще многіе кровожадные инстинкты; при возбужденіи страстей онъ становится звѣремъ, тѣмъ болѣе страшнымъ, что этотъ звѣрь обладаетъ чудовищными средствами борьбы.

Внѣшняя сторона нашего прогресса поразительна. Никогда еще матеріальныя силы человѣчества не возрастали такъ быстро, какъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ; но промышленный прогрессъ требуетъ соціальныхъ улучшеній. Мы переросли нѣкоторыя наши общественныя формы, подобно тому какъ дѣти выростаютъ изъ своихъ платьевъ.

Быстрыя перемѣны, наблюдаемыя теперь во всѣхъ сферахъ жизни, ставятъ передъ нами множество серьезныхъ вопросовъ. Старинныя вѣрованія вымираютъ, убѣжденія измѣняются, прочные устои таютъ какъ ледъ. Приписывать всѣ эти явленія демагогамъ такъ же невозможно, какъ искать причину болѣзни въ учащенномъ пульсѣ. Стремленіе къ перемѣнамъ ради одной новизны опасно; но еще опаснѣе слѣпой консерватизмъ. Задачи, представляющіяся нашему поколѣнію, чрезвычайно серьезны, но при вполнѣ честномъ и смѣломъ отношеніи къ дѣлу рѣшеніе ихъ не составляетъ ничего невозможнаго.

Ненормальность западно-европейской цивилизаціи, по словамъ Джорджа, очевидна изъ того, что основная ея идея (тенденція) состоитъ въ сосредоточеніи всѣхъ земныхъ благъ въ рукахъ немногихъ. Такая цивилизація носитъ въ себѣ самой задатки разруше-

нія. Возможна иная цивилизиція, болѣе близкая къ христіанскому идеалу. Правда, находятся люди, называющіе всякую надежду на достиженіе этого идеала утопіей, но не къ этимъ людямъ обращается Джорджъ. Пусть оффиціальные ученые заявляютъ въ журналахъ, что «самоновѣйшая наука» видитъ спасеніе въ томъ, чтобы всякій заботился только о своихъ дѣлахъ. Истинное спасеніе общества возможно лишь посредствомъ всеобщей любви и братскаго отношенія другъ къ другу. Тотъ, кто не воруетъ платковъ и не подаетъ своимъ дѣтямъ камень вмѣсто хлѣба, не есть еще христіанинъ. Однихъ этихъ качествъ недостаточно даже для того, чтобы заслужить названіе хорошаго гражданина.

Разумная дѣятельность, необходимая для рѣшенія соціальныхъ задачъ, не есть дѣло одного разсудка. Она должна одушевляться религіознымъ чувствомъ и согрѣваться симпатіей къ человѣческому страданію. Она требуетъ извѣстнаго самопожертвованія, и прежде всего—справедливости, потому что разъ возникаетъ какой либо такъ называемый соціальный вопросъ — въ основаніи его, навѣрное, лежитъ какая нибудь несправедливость.

Генри Джорджъ заимствовалъ главный фактическій матеріалъ для своей книги изъ жизни своей родины, но при этомъ онъ не руководствовался какими нибудь національными симпатіями или антипатіями. Въ его словахъ сквозитъ, правда, горячая любовь къ своимъ согражданамъ, но безъ малѣйшей тѣни національнаго ослѣпленія. Джорджъ видитъ, что Америка превосходитъ всѣ страны цивилизованнаго міра по среднему уровню благосостоянія матеріальнаго и умственнаго: но онъ предостерегаетъ согражданъ отъ увлеченій и показываетъ, что далеко не все обстоитъ такъ благополучно, какъ можно думать по оффиціальнымъ статистическимъ отчетамъ, и даже по сочиненіямъ многихъ американскихъ и европейскихъ публицистовъ. Не смотря на мѣстный колоритъ, изслѣдованіе Джорджа далеко не имѣетъ узкаго характера: оно представляетъ интересъ для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, тѣмъ болѣе, что всѣ свѣтлыя и мрачныя стороны новѣйшей цивилизаціи проявились въ Америкѣ съ особенной силой. Здѣсь не было множества постороннихъ обстоятельствъ, затрудняющихъ изслѣдователя, изучающаго европей-

скую жизнь. Въ Америкѣ нѣтъ остатковъ средневѣковаго хлама, нѣтъ наслѣдственной аристократіи, нѣтъ сословной организаціи.

Свобода, по словамъ Джорджа, есть прирожденное свойство человѣка: первобытныя общества всегда возникаютъ на началахъ равенства. Лишь по мѣрѣ усложненія общественнаго тѣла являются рабы и господа. Является особый классъ общества, который господствуетъ надъ массой и мало по малу освобождается изъ подъ ея контроля. Идеи подчиненія передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе и составляется убѣжденіе, что толпа существуетъ лишь для господъ.

Такимъ образомъ возникаетъ власть меньшинства, при чемъ нѣтъ необходимости, чтобы оно обратилось въ прочное сословіе или касту: исторія показываетъ, что сословія и касты возникаютъ постепенно, когда фактическое господство извѣстнаго общественнаго слоя давно уже упрочено. Но не тоже-ли мы видимъ въ современной республикѣ? И здѣсь изъ бывшей свободы и равенства возникаетъ постепенно олигархія.

Въ новѣйшее время въ Соединенныхъ Штатахъ возникли колоссальныя богатства, напоминающія эпоху римской имперіи. Индивидуальные капиталисты, а еще болѣе союзы капиталистовъ, оказываютъ могущественное давленіе на политику. Демократическія формы уцѣлѣли, но духъ демократіи почти утраченъ. Американцы имѣютъ своихъ цезарей въ лицѣ крупныхъ финансовыхъ тузовъ. Быть можетъ настанетъ время, когда явится единодержавный «Американскій Тузъ», еще болѣе могущественный, чѣмъ римскій кесарь. Если даже не сбудется это предсказаніе, то останется справедливымъ (такъ какъ право имѣть кусокъ хлѣба, право удовлетворенія насущнымъ матеріальнымъ и нравственнымъ потребностямъ, не менѣе важно, чѣмъ право голоса, и послѣднее безъ перваго остается пустымъ звукомъ), что политическія задачи не могутъ быть отдѣлены отъ вопроса о распредѣленіи матеріальныхъ благъ. Мы должны признаться, говоритъ Джорджъ, что народное правительство Америки потерпѣло фіаско; оно мало по малу превратилось въ господство грубой силы и корысти. Народъ по прежнему избираетъ, но право всеобщей подачи голосовъ является лишь новымъ оружіемъ капиталистовъ. Въ Америкѣ вы-

работался особый типъ «политика»: это человѣкъ, умѣющій ладить съ рабочими, «комбинировать» денежные интересы, добывать деньги и тратить ихъ. Президентское кресло нерѣдко занимается тѣмъ, кто не имѣетъ титула президента. Другой типъ представляютъ крупные желѣзнодорожные тузы: тѣ совсѣмъ не заботятся объ угожденіи народу, и крупнѣйшій изъ нихъ недавно сказалъ безъ всякихъ обиняковъ: — Чортъ побери эту сволочь! — Когда желѣзнодорожники нуждаются въ народѣ, они платятъ тѣмъ, кто руководитъ народомъ.

На картахъ Америка раздѣляется на штаты, но гораздо умѣстнѣе подраздѣлить ее на владѣнія Вандербильта, Гульда, Вилляра и другихъ желѣзнодорожныхъ королей. Сенатъ, судейскія кресла, всѣ должности въ Соединенныхъ Штатахъ принадлежатъ ближайшимъ или отдаленнымъ клевретамъ этихъ денежныхъ тузовъ; и нельзя сказать, чтобы такое негласное правительство обходилось народу дешево.

Сознаніе ненормальности этого порядка вещей понемногу проникаетъ въ умы американцевъ, но истиннаго пониманія дѣлъ не замѣчается въ массахъ. Почти всѣ полагаютъ, что стоитъ выбрать другихъ людей и перемѣнить правителей, чтобы измѣнить весь общественный строй. Но обѣ враждебныя партіи заботятся лишь о томъ, чтобы посадить своихъ кандидатовъ на тѣ или другія мѣста: въ этомъ состоитъ все различіе между «демократами» и «республиканцами». Позади тѣхъ и другихъ находятся владѣльцы цѣнныхъ бумагъ. Даже рабочіе союзы дѣйствуютъ безъ всякаго обдуманнаго плана, полагая, что вполнѣ достаточно добиваться восьмичасоваго рабочаго дня, агитировать въ пользу учрежденія бюро для рабочей статистики, стремиться къ устройству союзовъ и запрещенію арестантскаго труда. Все это доказываетъ робость и неподготовленность мысли. На политику должно быть обращено вниманіе всѣхъ, кому дороги народные интересы. Индифферентизмъ въ политикѣ показываетъ полное непониманіе средствъ и цѣлей соціальной реформы.

Джорджъ начинаетъ съ разбора призраковъ, созданныхъ школой Мальтуса, доказывающей, что все соціальное зло лежитъ въ возрастаніи населенія. Само по себѣ возрастаніе населенія есть

благо, а не зло, такъ какъ силы общества возрастаютъ по мѣрѣ приращенія числа его членовъ. Зло происходитъ отъ ненормальнаго распредѣленія благъ между членами общества. Скоро настанетъ время, когда въ Америкѣ не останется ни клочка свободной земли. Безземеліе массъ произойдетъ не отъ того, что принято называть «перенаселеніемъ». Да и самая Европа посылаетъ эмигрантовъ не потому, чтобы на самомъ дѣлѣ вся земля въ Европѣ была давно распахана. Въ Ирландіи, откуда ежегодно переселяются въ Америку чудовищныя массы населенія, болѣе пяти шестыхъ долей всей пахатной земли изъяты изъ обработки. Бараны пасутся тамъ, гдѣ нѣкогда существовали густонаселенныя деревни. Въ Шотландіи мы видимъ пустыни и лѣса, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ жили тысячи людей. Путешествуя по нѣкоторымъ наиболѣе живописнымъ мѣстностямъ Англіи, Джорджъ былъ пораженъ видомъ роскошныхъ парковъ и полей, которыхъ не коснулся плугъ, такъ какъ землевладѣлецъ запрашивалъ слишкомъ высокую ренту. Одинъ изъ уроженцевъ тѣхъ мѣстъ сказалъ ему, что землевладѣлецъ огородилъ всѣ луга такъ, что негдѣ пасти гусей, и дѣтямъ негдѣ поиграть. Мѣста было довольно, но для населенія всѣ эти луга и парки были такъ же полезны, какъ луга и парки на лунѣ. Въ Америкѣ, даже на дальнемъ Западѣ, часто можно встрѣтить эмигрантовъ, которые напрасно ищутъ свободной земли, тогда какъ масса пахатныхъ земель, захваченыхъ компаніями и частными лицами, остается безъ обработки. Въ Америкѣ вскорѣ почувствуется «малоземелье»; не потому, чтобы было мало земли, но потому, что вся земля будетъ огорожена.

Гдѣ найдти дешевую землю? Стремленіе на западъ достигло своего крайняго предѣла—Тихаго Океана, движеніе съ востока не уменьшается, а ростетъ съ каждымъ днемъ. Въ Техасѣ плотность населенія не превышаетъ шести-семи человѣкъ на квадратную милю, а между тѣмъ послѣдній акръ общественной земли перешелъ недавно въ частныя руки. Капиталисты, и при томъ преимущественно иностранцы, на перерывъ покупаютъ земли въ Америкѣ; придетъ время, когда внуки нынѣшнихъ янки будутъ уплачивать ренту господамъ, проживающимъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ.

Да и самое хозяйство ведется въ Америкѣ не хозяйственнымъ, а хищническимъ способомъ, земли расхищаются, почвенныя богатства истощаются, лѣса гибнутъ отъ топора. Черноземъ вывозится заграницу, послѣ превращенія его элементовъ въ пшеницу, хлопокъ, табакъ и мясо. Дѣвственная почва вскорѣ станетъ преданьемъ старины или покроется парками богачей.

Два противоположныхъ теченія замѣчаются въ нашей цивилизаціи. Богатства накопляются, и не только матеріальныя, но и умственныя; и въ то же время возрастаетъ всеобщее недовольство. Токвилль, по замѣчанію Джорджа, былъ однимъ изъ первыхъ мыслителей, обратившихъ вниманіе на это противорѣчіе, которое казалось самому Токвиллю страннымъ и необъяснимымъ. А между тѣмъ оно разъясняется очень просто. Умственный и нравственный прогрессъ внушаетъ массамъ идеи равенства, и въ то же самое время теченіе событій, въ особенности характеръ экономическаго развитія, приводитъ къ поразительному неравенству. Никогда еще, со временъ римскихъ богачей, не существовало такихъ чудовищныхъ богатствъ, какъ въ наше время; и никогда не было такого количества нищихъ. «Въ одномъ и томъ же столбцѣ газеты, говоритъ Джорджъ, я вижу отчетъ о балѣ, бывшемъ у Вандербильта, читаю, что залъ былъ буквально усыпанъ розами, изъ которыхъ каждая стоила по два доллара—и тутъ же встрѣчаю нѣсколько строкъ, въ которыхъ описывается, какъ забрали въ участокъ тридцать девять человѣкъ, и въ числѣ ихъ восемнадцать женщинъ, всю ночь бродившихъ безъ крова и пріюта. Женщины горько плакали, когда ихъ вели въ тюрьму: ихъ приговорили къ шестимѣсячному заключенію».

Промышленное развитіе нашего времени превратило рабочаго въ придатокъ машины. Машинное производство ведетъ къ тому, что не только мускулы, но и мозгъ рабочаго становится негодною вещью. Ремесленникъ долженъ работать обдуманно и осмысленно; рабочій, служащій придаткомъ машины, есть живой автоматъ. Во время господства ремесленнаго труда работа была тяжела, но она облегчалась соревнованіемъ, шутками, бесѣдой, размышленіемъ. Рабочій былъ до нѣкоторой степени художникомъ, его издѣлія носили отпечатокъ его индивидуальности. Сравните прежняго кузнеца,

работавшаго въ деревнѣ, въ кругу своей семьи, съ современнымъ рабочимъ, который трудится вмѣстѣ съ тысячами товарищей на душномъ заводѣ. Деревенскій кузнецъ исполнялъ всякую кузнечную и грубую слесарную работу, ковалъ лошадей, починялъ телѣги, косы, ковалъ гвозди, а въ свободное время, пожалуй, занимался хозяйственными работами. Войдите теперь въ фабричное зданіе, заручившись позволеніемъ начальства. Страшный грохотъ оглушитъ васъ. Вы увидите массу желѣзныхъ полосъ, быстрое однообразное движеніе, стальныя, чугунныя и живыя части механизма. Рабочій спеціализированъ здѣсь до такой степени, что если фабрика закроется, онъ останется на улицѣ и едва ли съумѣетъ мостить мостовыя или работать лопатой. Рабочій всюду «освобождается» отъ орудій производства. Сдѣлаться хозяиномъ промышленнаго заведенія для него такъ же легко, какъ сдѣлаться китайскимъ императоромъ или римскимъ папой.

Нигдѣ исторія обогащенія меньшинства не можетъ быть прослѣжена съ такою ясностью, какъ въ Америкѣ. Въ 1790 г. городское населеніе Соединенныхъ Штатовъ составляло не болѣе $3^1/_3$ процентовъ всего населенія. Въ 1880 г. оно достигло $22^1/_2$ процентовъ. Стремленіе населенія сосредоточиться въ промышленныхъ центрахъ есть одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ нашей эпохи. Во Франціи, гдѣ населеніе почти не возрастаетъ въ послѣдніе годы, города быстро увеличиваются на счетъ деревень. Въ Ирландіи, гдѣ населеніе постоянно убываетъ, Дублинъ и Бельфастъ обнаруживаютъ постоянный приростъ числа жителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы наблюдаемъ почти во всѣхъ странахъ побѣдное шествіе крупной поземельной собственности, вытѣсняющей мелкихъ крестьянъ и фермеровъ. Правда, оффиціальная статистика Соединенныхъ Штатовъ утверждаетъ, что будто бы средній размѣръ фермъ постоянно уменьшается въ Соединенныхъ Штатахъ. Но, по словамъ Джорджа, это утвержденіе опровергается цифрами, сообщаемыми въ тѣхъ же оффиціальныхъ отчетахъ. Джорджъ показываетъ съ помощью несомнѣнныхъ цифровыхъ данныхъ, что значительная часть американскихъ фермеровъ давно превратилась въ классъ настоящихъ фермеровъ въ англійскомъ смыслѣ этого слова, т. е.

что многіе изъ нихъ платятъ ренту и лишь номинально считаются собственниками.

Въ Америкѣ существуетъ довольно распространенное мнѣніе, проповѣдуемое въ видѣ ходячей морали. Говорятъ, что достаточно быть трудолюбивымъ, бережливымъ и трезвымъ, чтобы нажить себѣ состояніе. Въ видѣ доказательства указываютъ на многихъ милліонеровъ, которые начали свою карьеру почти съ грошей. Въ Америкѣ, дѣйствительно, большая часть крупныхъ богатствъ создана въ изумительно малое время. Почти всѣ современные американскіе богачи, буквально, начали съ грошей. Но ошибаются тѣ, которые думаютъ, что теперь такъ же легко нажить деньги, какъ и въ прежнія времена. Американская цивилизація особенно благопріятствовала обогащенію, пока было много свободныхъ земель, много новыхъ источниковъ. Развитіе машиннаго производства, быстрый ростъ городовъ, условія колонизаціи — все это способствовало появленію многихъ авантюристовъ. Но эпоха младенчества капитала давно прошла и нынѣшнее поколѣніе богачей по большей части выступило на поприще во всеоружіи отцовскихъ долларовъ. Въ Европѣ такой порядокъ дѣлъ давно уже сталъ нормальнымъ. Въ Америкѣ обыкновенно спрашиваютъ о богачѣ: «какимъ образомъ нажилъ онъ деньги?» Въ Англіи подобный вопросъ неумѣстенъ: почти всегда капиталы пріобрѣтаются здѣсь по наслѣдству. Но и здѣсь, хотя поземельная собственность давно перешла въ руки немногихъ лицъ, развитіе машиннаго производства на время значительно измѣнило порядокъ дѣлъ. Здѣсь также явились выскочки, разбогатѣвшіе втеченіи какихъ нибудь десяти лѣтъ и способные конкуррировать съ богатѣйшими лордами. Теперь и въ Англіи подобное быстрое обогащеніе становится все болѣе труднымъ, особенно послѣ того, какъ минула эпоха желѣзнодорожной горячки.

Одинъ богатый манчестерскій фабрикантъ разсказалъ однажды Джорджу исторію своей жизни.

Восьмилѣтнимъ мальчикомъ сталъ онъ сучить веревки, когда въ этомъ производствѣ еще господствовалъ ручной трудъ. Еще очень молодымъ человѣкомъ былъ онъ въ то время, когда съ пятью шиллингами въ карманѣ онъ пришелъ въ Манчестеръ. Постепенно

онъ разбогатѣлъ. Подоспѣло машинное производство, онъ основалъ обширную фабрику и теперь живетъ на покоѣ: всѣ дѣла передалъ сыну.

— Скажите, если бы вы были теперь молодымъ человѣкомъ, могли ли бы вы начать сначала и достигнуть того же самаго?

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ. Я не могъ бы сдѣлать это, даже имѣя пятьдесятъ тысячъ фунтовъ, вмѣсто пяти шиллинговъ.

Всякое вновь возникающее производство, если оно принадлежитъ къ числу важныхъ отраслей промышленности, представляетъ на первыхъ порахъ выгодныя условія, которыя не повторяются болѣе. Эпоха младенчества промышленности есть эпоха быстрѣйшаго роста личныхъ капиталовъ: Станфордъ былъ погонщикомъ, гнавшимъ партію быковъ въ Калифорнію; Генри Вилляръ явился изъ Германіи въ видѣ маленькаго оборвыша, сдѣлался газетнымъ репортеромъ и ѣздилъ на мулѣ по равнинамъ, гдѣ въ то время кишѣли толпы краснокожихъ. Впослѣдствіи онъ овладѣлъ навигаціей Орегона и сдѣлался желѣзнодорожнымъ королемъ, владѣющимъ тысячами миль пути, милліонами акровъ земли, имѣющимъ свои газеты, своихъ политическихъ прислужниковъ и литературныхъ казачковъ, занимающихся отмахиваньемъ мухъ, кусающихъ ихъ патрона.

Въ странѣ только что вступающей въ эру капитализма, всегда являются Станфорды и Виллярды; но появленіе ихъ закрываетъ путь дальнѣйшимъ авантюристамъ. Желѣзнодорожный король можетъ встрѣтить достойнаго соперника лишь въ другомъ желѣзнодорожномъ королѣ. Концентрація, мало по малу распространяется на всѣ отрасли производства. Фабрика побиваетъ мелкіе заводы. Оптовая торговля побиваетъ мелочную до тѣхъ поръ, пока не избавится отъ ея конкуренціи. При возникновеніи періодической печати, небольшая группа литераторовъ оказывается способной издавать газету. Въ настоящее время въ любомъ американскомъ городѣ изданіе газеты является крупнымъ промышленнымъ предпріятіемъ; для того чтобы основать газету, подобную Ньюіоркскому Герольду, необходимо быть милліонеромъ.

Стремленіе нашей эпохи состоитъ не только въ концентраціи капиталовъ, но и въ установленіи вѣчнаго потомственнаго владѣ-

нія ими. Теперь уже нельзя ожидать крестовыхъ походовъ. Богачи перестали тратить деньги такъ безумно, какъ въ средніе вѣка: при всей чудовищной роскоши, они знаютъ мѣру своихъ затратъ. Азартныя игры выходятъ изъ моды. Биржевая игра опасна, но она вредитъ короткимъ кошелькомъ гораздо болѣе, нежели длиннымъ. Наоборотъ, рабочій становится все болѣе и болѣе подневольнымъ и небольшой капиталъ съ трудомъ находитъ помѣщеніе. Въ Англіи даже трактиры переходятъ въ руки владѣльцевъ крупныхъ заводовъ, снабженіе пассажировъ пищей и питьемъ сосредоточилось въ рукахъ одной компаніи; въ Парижѣ одинъ крупный владѣлецъ ресторана мало-по-малу захватываетъ въ свои руки всѣ мелкіе рестораны. Въ Америкѣ даже мальчуганы, продающіе орѣхи на вокзалахъ, оказываются наемниками различныхъ компаній. Прочтите извѣстный романъ Зола Au bonheur des dames и вы наглядно увидите этотъ процессъ концентраціи капитала. Джорджъ не отрицаетъ, что подобное «обобществленіе» труда принесло многія выгоды потребителямъ. Но нельзя отрицать и того, что въ Америкѣ возникъ классъ господъ, хотя само слово «господинъ», по прежнему считается не-американскимъ.

Мы постоянно слышимъ и читаемъ, что въ такомъ порядкѣ вещей нѣтъ ничего ненормальнаго и что, напротивъ того, онъ вытекаетъ изъ естественнаго неравенства между людьми. Можно-ли жаловаться на неравенство, вытекающее изъ природнаго различія между людьми? Можно-ли воздать Рафаэлю лишь такую честь, какой достоинъ живописецъ вывѣсокъ? Уничтожьте соціальныя различія, и вы уничтожите всякое стремленіе къ прогрессу. Бороться противъ неравенства такъ-же безумно, какъ сражаться съ вѣтряными мельницами.

Въ этомъ состоитъ вся суть ходячей морали. Одни вѣруютъ въ нее, потому что она льститъ ихъ тщеславію и согласна съ ихъ интересами; другіе вѣрятъ потому, что имъ вдалбливали это ученіе съ дѣтства. Какъ всѣ лживыя, но широко распространенныя ученія, эта мораль содержитъ нѣкоторую истину; но неполная истина всегда соединяется съ долей лжи.

Объяснять неравное распредѣленіе благъ различіемъ человѣческихъ способностей значитъ объяснять великое малымъ. Физи-

ческія и умственныя способности людей различны; но это различіе чрезвычайно мало по сравненію съ общественнымъ неравенствомъ. Самый рослый великанъ превосходитъ самаго малорослаго карлика не болѣе чѣмъ въ четыре раза. Самый искусный наборщикъ набираетъ скорѣе неискуснаго не болѣе чѣмъ въ два раза. Отношеніе измѣряемое числомъ 100 уже слишкомъ велико для физическихъ способностей, и хотя мы не въ состояніи измѣрить съ точностью умственныя способности, но и здѣсь едва-ли можно допустить болѣе значительное неравенство. Но мы видимъ многихъ людей, которые богаче другихъ въ тысячу и милліонъ разъ.

Отрицаніе собственности нелѣпо. Тотъ кто произвелъ что-нибудь, долженъ пользоваться пропорціональнымъ количествомъ благъ. Таковъ естественный порядокъ, но развѣ онъ господствуетъ въ современномъ американскомъ обществѣ? Недавно умеръ въ Санъ-Франциско богачъ, оставившій 4 милліона долларовъ. Онъ не отличался ни трудолюбіемъ, ни трезвостью, ни умомъ. Въ юности онъ пріобрѣлъ клочекъ земли, не имѣвшій никакой цѣнности; ростъ города создалъ цѣнность земли и покойникъ пожалъ то, чего не посѣялъ.

Американскіе милліонеры нажили свои милліоны не трудомъ, а барышничествомъ.

Первый Вандербильтъ былъ сначала лодочникомъ, заработывавшимъ хлѣбъ въ потѣ лица своего; но не этимъ трудомъ онъ составилъ себѣ состояніе, а хитрой тактикой и монополіей. Постепенно онъ забралъ въ свои руки цѣлые водяные пути, затѣмъ захватилъ такимъ-же способомъ громадныя желѣзно-дорожныя линіи.

Джорджъ отклоняетъ отъ себя всякій упрекъ въ возбужденіи ненависти и недовольства противъ состоятельныхъ людей. Пусть всякій трудится и пріобрѣтаетъ какое угодно количество богатствъ до тѣхъ поръ, пока богатство не создаетъ монополіи и не служитъ камнемъ преткновенія для другихъ тружениковъ. Идеалъ общественнаго строя состоитъ не въ полной нивеллировкѣ, не въ уравненіи имуществъ, но въ распредѣленіи ихъ сообразно съ человѣческими способностями.

Взгляните на коляску дочери желѣзно-дорожнаго короля, гово-

ритъ Джорджъ, подумайте о томъ мірѣ, въ которомъ она вращается съ самой колыбели и сравните эту жизнь съ тяжелой жизнью какой-нибудь полунищей старухи, торгующей яблоками и леденцами. Нигдѣ господство денегъ не проявляется съ такой очевидностью, какъ въ Америкѣ, странѣ безъ феодальныхъ традицій, безъ полуразрушенныхъ рыцарскихъ замковъ. Вотъ отпрыскъ знаменитаго рода—дочь или внучка голландскаго огородника; таковы почти всѣ американскія аристократки. Она живетъ съ царственною роскошью, а въ тоже время сотни бѣдныхъ швей и продавщицъ живутъ изо дня въ день, надрывая грудь—и сотни несчастныхъ созданій снуютъ по улицамъ, поглядывая на прохожихъ мужчинъ, молодыхъ и старыхъ.

«На дняхъ, я встрѣтилъ на улицѣ знакомаго, говоритъ Джорджъ,—мы затѣяли интересный разговоръ. Я боялся задерживать его, потому что онъ работаетъ съ двухъ часовъ утра. Онъ сказалъ мнѣ, что пробовалъ читать мое сочиненіе «Прогрессъ и бѣдность»; но дѣти шумятъ въ маленькой квартиркѣ изъ двухъ комнатъ, и читать приходится такими маленькими дозами, что иногда трудно услѣдить за мыслью. Это поденщикъ, работающій въ ресторанѣ. Онъ печетъ хлѣбъ и работаетъ всего по 12 часовъ въ сутки: большинство пекарей трудится отъ 14 до 16 часовъ въ сутки. Духота въ пекарнѣ невообразимая; даже привычные люди должны много пить, иначе нельзя выдержать. Онъ принадлежитъ къ рабочему союзу, въ который они стараются вовлечь всѣхъ поденщиковъ, работающихъ въ пекарняхъ; но тѣ, кому приходится работать по восемнадцати часовъ, совсѣмъ отупѣли отъ работы и съ ними никакъ не сладить».

Весною тысячи семействъ стремятся изъ душныхъ городовъ на дачи, богачи уѣзжаютъ даже въ Европу.

«Всѣ выѣхали изъ города», говорятъ газеты. Нѣтъ, не всѣ. Безъ сомнѣнія выѣхалъ лишь ничтожный процентъ жителей. Въ трущобахъ по прежнему задыхаются бѣдняки, лишенные воздуха и свѣта. Въ переулкахъ снуютъ бѣдныя дѣти, никогда не видѣвшія рощицы или поляны. Бѣдность, скрывавшаяся втеченіи зимы, теперь еще ярче выступаетъ на видъ.

— Почему они кричатъ: хлѣба! хлѣба! спросила наивная

Фундаментальная библиотека Международного аграрного института

французская принцесса, слыша свирѣпые крики голодной толпы. Если у нихъ нѣтъ хлѣба, пусть ѣдятъ пирожки.

Много есть людей такихъ-же наивныхъ, какъ эта дѣвочка, не понимавшая, что одного желанія имѣть пирожокъ недостаточно для дѣйствительнаго обладанія имъ.

— Почему бѣдные люди не ведутъ бережливой и добродѣтельной жизни? Зачѣмъ они пьянствуютъ и бездѣльничаютъ? Вопросъ, достойный наивной принцессы: трезвость и добродѣтель не есть плодъ нищеты.

Но еще печальнѣе заблужденіе, которое выдается многими за величайшую премудрость и преподносится какъ послѣднее слово науки.

Было время, когда совсѣмъ не имѣли понятія о прогрессѣ. Теперь всѣ мы вѣримъ въ возможность безграничнаго матеріальнаго прогресса, но почти никто не вѣритъ въ возможность прогресса нравственнаго и соціальнаго, и вѣрующихъ называютъ опасными мечтателями или даже сумасшедшими. Самое удивительное механическое изобрѣтеніе кажется намъ въ порядкѣ вещей; но тотъ, кто думаетъ, что бѣдность можетъ исчезнуть и замѣниться всеобщимъ довольствомъ, считается опаснымъ безумцемъ.

Теперь уже не вѣрятъ болѣе въ таинственный рокъ или въ предопредѣленіе, но эта вѣра замѣнилась научнымъ суевѣріемъ. Теперь полагаютъ, что единственное средство общественнаго улучшенія состоитъ въ медленномъ развитіи путемъ борьбы за существованіе, а «друзей человѣчества», которые хотѣли-бы безъ борьбы сдѣлать лучшей жизнь людей, осыпаютъ почти тѣми-же упрекамп, съ которыми обращались книжники и фарисеи къ божественному учителю, впослѣдствіи распятому ими.

Одна половина людей не знаетъ о томъ, какъ живетъ «другая половина». Но это болѣе справедливо въ примѣненіи къ высшимъ, нежели низшимъ классамъ. Богачи, дѣйствительно, не имѣютъ понятія о бѣдности и не смотрятъ на нее; но бѣднякъ смотритъ на роскошные дома и магазины и мечтаетъ о богатствѣ.

Посмотрите кругомъ себя, говоритъ Джорджъ. Возьмите любую изъ американскихъ газетъ, и вы найдете картины самой ужасной

Библиотека ООН Академии Наук СССР

нищеты. Вы услышите о матеряхъ, которые бросаютъ на произволъ судьбы своихъ младенцевъ, потому что не находятъ работы. Вы узнаете, что рядомъ съ богатѣйшими палатами желѣзно-дорожныхъ тузовъ есть дома, гдѣ на чердакѣ умираютъ пьяные нищіе, гибнутъ грудные младенцы, отъ недостатка присмотра, отъ сырости и затхлаго воздуха. А между тѣмъ, говоритъ Джорджъ, мы продолжаемъ посылать миссіонеровъ къ язычникамъ и обращаемъ въ христіанство краснокожихъ и даже жителей Остъ-Индіи. Лучше было-бы заглянуть въ воспитательные дома, гдѣ изъ семидесяти четырехъ младенцевъ умираетъ семдесятъ три. Загляните въ государственныя тюрьмы; впрочемъ, новѣйшая наука учитъ насъ, что уголовное наказаніе должно стремиться къ полезности и что преступники составляютъ низшую расу, съ которой нечего церемонится. «Я-бы посовѣтовалъ, говоритъ Джорджъ, нашимъ миссіонерамъ читать краснокожимъ американскія газеты». Одинъ изъ судей верховнаго нью-іоркскаго суда сказалъ Джорджу, что для значительной части населенія Нью-Іорка воспитать двухъ дѣтей — мальчика и дѣвочку значитъ воспитать арестанта и проститутку. Въ Нью-Іоркѣ считается 36,000 семействъ, пользующихся постоянной помощью благотворительности, то есть оффиціально нищенствующихъ.

Не слѣдуетъ думать, что Нью-Іоркъ находится въ какихъ-нибудь исключительныхъ условіяхъ. Въ Массачузетсѣ, какъ мы видимъ изъ показаній рабочаго статистическаго бюро, рабочіе едва способны добывать насущный хлѣбъ; отъ одной четверти до трети семейнаго заработка приходится на долю труда незамужнихъ дѣвушекъ и неженатыхъ сыновей; отъ одной восьмой до одной шестой заработка добывается дѣтьми ниже пятнадцатилѣтняго возраста.

Законы, запрещающіе трудъ малолѣтнихъ, не достигаютъ цѣли, потому что при современныхъ общественныхъ условіяхъ, они не соблюдаются ни родителями, ни фабрикантами.

Но быть можетъ все это въ порядкѣ вещей, быть можетъ иная общественная организація невозможна?

«Безумецъ тотъ, кто сказалъ въ своемъ сердцѣ: нѣтъ Бога! Но еще безумнѣе люди, говорящіе намъ, что всѣ наши престуи-

ленія и бѣдствія составляютъ послѣдствіе божественной воли». Можемъ ли всѣ мы сдѣлаться богатыми? Не можемъ, если подъ богатствомъ подразумѣвать имущество болѣе значительное, чѣмъ у нашего ближняго. Но если подъ богатствомъ подразумѣвать довольство, здоровую пищу, теплую одежду, свѣтлую комнату, то всѣ мы могли бы достигнуть такого богатства. «Я не мечтаю, говоритъ Джорджъ, объ абсолютномъ равенствѣ; я говорю только объ отсутствіи нищеты».

И неужели эта скромная мечта есть «опасная иллюзія?» Наши дѣды считали безумцами изобрѣтателей паровыхъ механизмовъ. Они сочли бы сумасшедшимъ человѣка, утверждающаго, что помощью особаго снаряда можно слышать въ Чикаго пѣвицу, поющую въ Нью-Іоркѣ.

Видѣли ли вы стадо голодныхъ свиней, жадно пожирающихъ выплеснутые на землю помои? Таково современное общество.

Видѣли ли вы хорошо воспитанныхъ людей, спокойно сидящихъ за обѣдомъ? Таково общество, какимъ оно могло бы быть.

Мы такъ привыкли къ бѣдности, что считаемъ ее послѣдствіемъ неизбѣжныхъ причинъ. Профессора политической экономіи увѣряютъ насъ, что бѣдность есть законъ природы. Нѣкоторые проповѣдники говорятъ намъ, что такова воля Творца вселенной.

Посмотрите кругомъ себя и вы увидите, что природа неповинна въ нашихъ бѣдствіяхъ. Нищета поражаетъ насъ въ странахъ, плодоносныхъ какъ библейскій рай; и на ряду съ нищетой, мы видимъ роскошь и хищническую трату человѣческаго труда и силъ природы. Развѣ всѣ капиталы находятъ помѣщеніе? Развѣ всякій рабочій находитъ работу? Нѣтъ такой отрасли промышленности, которая не могла бы дать большаго количества продуктовъ, чѣмъ она даетъ въ настоящее время и это справедливо даже по отношенію къ земледѣлію. Неужели вы вѣрите, что въ самомъ дѣлѣ нѣтъ земли, и что дѣйствительно малоземелье заставляетъ тысячи людей переселяться на дальній западъ? Развѣ нѣтъ множества нераспаханныхъ земель на востокѣ?

Послушайте жалобы фабрикантовъ. Развѣ они когда-нибудь жалуются на недостатокъ продуктовъ? Возьмите любую отрасль промышленности: сукна, сапоги, книги—все производится въ

избыткѣ, и можетъ быть произведено въ двойномъ количествѣ. Весь вопросъ лишь въ отсутствіи сбыта. А между тѣмъ страны, слѣдующія, подобно Америкѣ, покровительственной таможенной системѣ, стараются создать китайскую стѣну, платятъ деньги цѣлой арміи чиновниковъ, и все это почему? Они боятся, что иностранцы наводнятъ американскій рынокъ своими товарами. Развѣ мы не видимъ, что фабрики и заводы остаются въ бездѣйствіи втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ? Всюду мы видимъ избытокъ производства и возможность увеличить этотъ избытокъ.

Конечно силы человѣчества ограничены, но при современныхъ общественныхъ условіяхъ едва ли идетъ въ дѣло десятая часть этихъ силъ. Всѣ существующія отрасли производства могли бы удвоиться одновременно, если бы общество было лучше организовано.

Все это такъ очевидно (хотя и отрицается нѣкоторыми учеными людьми), что многіе увѣряютъ насъ, будто вся бѣда происходитъ отъ отсутствія работы. Постараемся понять смыслъ этихъ словъ. Говорятъ, что многимъ изъ насъ нечего дѣлать, и что будь потребность въ большемъ количествѣ труда, всѣ были бы сыты и счастливы. Но если бы самые обыкновенные продукты стали рѣдкими, для добыванія того же количества потребовалось бы болѣе труда. И такъ пусть пшеница станетъ такой же рѣдкостью какъ ананасъ, желѣзо такой же рѣдкостью какъ золото; тогда потребуется во сто разъ большее количество рабочихъ рукъ и, вѣроятно, всѣ мы разбогатѣемъ. Неужели не очевидна нелѣпость подобнаго разсужденія?

А между тѣмъ фактъ остается фактомъ. Дѣйствительно многимъ «нечего дѣлать», т. е. точнѣе они не находятъ работы, хотя ищутъ ея. Является къ лондонскому городскому головѣ или лорду мэру депутація рабочихъ, ищущихъ занятія: онъ совѣтуетъ имъ поступить въ пріютъ для бѣдныхъ или же эмигрировать. Англійское правительство находитъ болѣе выгоднымъ посылать на свой счетъ эмигрантовъ, чѣмъ кормить ихъ у себя дома. Трудъ «освобожденъ» отъ средствъ или орудій производства; и соединиться съ ними онъ не можетъ по своей доброй волѣ; такое

соединеніе зависитъ отъ сложныхъ условій: въ этомъ разрѣшеніе всей загадки.

Хотите наглядно убѣдиться въ томъ, что на самомъ дѣлѣ громадная доля силъ человѣка и силъ природы пропадаетъ даромъ, не находя примѣненія? Вспомните оживленіе промышленности, наступившее въ Америкѣ во всѣхъ отрасляхъ производства во время междуусобной войны: и это въ то время, когда громадные капиталы истрачивались на совершенно непроизводительныя военныя цѣли и сотни тысячъ рабочихъ рукъ занимались лишь пролитіемъ крови. Въ концѣ войны сѣверные штаты почувствовали себя болѣе богатыми, чѣмъ въ началѣ. Не думайте, что это богатство создано выпускомъ ассигнацій. Ассигнаціи точно такъ же не могутъ создать богатства, какъ и векселя частныхъ лицъ.

Конечно оживленіе производства во время войны ведетъ въ концѣ концовъ къ раззоренію, потому что богатства, созданныя для военныхъ цѣлей, истребляются или не находятъ никакого примѣненія въ мирное время.

Но возможность создать эти богатства втеченіи короткаго времени доказываетъ, что существующія отрасли производства далеко не успѣли поглотить всего наличнаго количества труда и капитала; и можно смѣло сказать, что вся непроизводительная затрата труда не равняется той тратѣ, которая происходитъ ежегодно отъ разъединенія труда и средствъ производства. Многіе совершенно ложно понимаютъ значеніе слова: «избытокъ производства». До тѣхъ поръ пока потребности всѣхъ людей не найдутъ полнаго удовлетворенія, нельзя говорить, что какой-нибудь продуктъ составляетъ нѣчто лишнее; а между тѣмъ отдайте его даромъ и вы можете не найти охотниковъ взять его, потому что у нихъ нѣтъ средствъ воспользоваться имъ надлежащимъ образомъ. Дайте соху человѣку, не имѣющему земли: онъ продастъ ее или порубитъ на дрова.

Подумайте отомъ, сколько труда затрачивается даромъ вслѣдствіе конкурренціи между предпринимателями! Подумайте, сколько теряетъ общество отъ невѣжества и нищеты рабочаго! Развѣ сила мышцъ и сила ума каждаго человѣка достигаетъ полнаго разви-

тія? Полное развитіе будетъ достигнуто лишь въ обществѣ, основанномъ на началахъ справедливости.

Каждое общественное зло можетъ быть устранено человѣческими усиліями. Но для этого нельзя останавливаться на полумѣрахъ, на такъ называемыхъ постепенныхъ улучшеніяхъ: благотворительность, уголовныя наказанія, запрещеніе пить водку въ извѣстные дни и часы—все это полумѣры, не достигающія сколько нибудь серьезныхъ результатовъ.

Предпринимается, напримѣръ, подписка въ пользу маленькихъ дѣтей. Ихъ везутъ на нѣсколько недѣль или даже на нѣсколько дней подышать свѣжимъ воздухомъ на дачѣ. Это, безъ сомнѣнія, доброе дѣло; но много-ли пользы отъ такого дѣла, если дѣти опять возвращаются въ туже душную конуру, въ тѣ же сырые подвалы и темные чердаки? Собирайте подписку: это лучше, чѣмъ ѣхать на балъ или курить дорогія сигары. Но несмотря на всѣ подписки, по прежнему будутъ умирать бѣдныя малютки, о которыхъ Христосъ сказалъ, что ихъ ангелы на небесахъ созерцаютъ лицо Всевышняго.

Мы можемъ открывать пріюты «для кающихся магдалинъ»; но не думайте, что это уничтожитъ проституцію. Мы можемъ запрещать трудъ малолѣтнихъ, но родители будутъ по прежнему посылать ихъ на фабрики.

Я иду еще дальше, говоритъ Джорджъ. Я согласенъ съ тѣми, кто говоритъ, что если бы въ данную минуту отобрать у богачей ихъ имущество и раздать его всѣмъ людямъ поровну, отсюда не произошло бы ничего, кромѣ зла и несправедливости. Мало по малу возникло-бы снова прежнее неравенство.

Мы должны начать съ устраненія самыхъ причинъ, которыя усиливаютъ существующее неравенство и создаютъ неравное распредѣленіе вновь пріобрѣтаемыхъ благъ. Задача гораздо проще, чѣмъ можно подумать. Нечего придумывать какіе либо хитрые и сложные планы реформъ. Надо просто устранить тѣ препятствія, которыя служатъ помѣхой справедливому распредѣленію накопляемыхъ благъ. Для этого нѣтъ надобности «разрушать существующій строй»; онъ остается для насъ священнымъ и неразру-

шимымъ. Необходимо лишь удалять тѣ причины, которыя ведутъ къ накопленію новыхъ несправедливостей.

Всѣ политическія ученія сходятся въ томъ, что государство имѣетъ главной цѣлью обезпечить каждому свободное примѣненіе всѣхъ его способностей, и что эта свобода ограничивается лишь свободою другихъ людей. Но въ это понятіе неизбѣжно входитъ понятіе о спокойномъ пользованіи продуктами своего труда, лишь бы это пользованіе не приносило вреда другимъ людямъ. Борьба съ несправедливостью, господствующей въ современномъ обществѣ, привела къ ученію, которое требуетъ рѣшенія всѣхъ вопросовъ помощью грубаго насильственнаго переворота. «Я рѣшительно осуждаю это ученіе», говоритъ Джорджъ, «хотя я считаю вполнѣ осуществимою формулу Луи Блана: трудъ по способностямъ, вознагражденіе по потребностямъ. Эта формула осуществлялась на дѣлѣ въ первобытной христіанской общинѣ и осуществляется до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ религіозныхъ братствахъ». По мнѣнію Джорджа, осуществленіе такой формулы для значительной части человѣчества будетъ достигнуто не огнемъ и мечемъ, а помощью глубокаго и полнаго нравственнаго перерожденія, помощью пламенной вѣры, какая существуетъ теперь лишь у нѣкоторыхъ малочисленныхъ сектъ.

Но возможность близкаго осуществленія полнаго христіанскаго идеала — труда по способностямъ и вознагражденія по потребностямъ — сомнительна. Поэтому въ наше время можно поставить гораздо болѣе скромныя требованія. Достаточно признать простую справедливость. Справедливость не есть еще высшая правда: но она образуетъ первую ступень къ достиженію этого идеала. Религіи Христа, ученію о любви, предшествовала религія Моисея, т. е. ученіе о справедливости. «Я только этого и требую», говоритъ Джорджъ. Такое требованіе нельзя назвать неумѣреннымъ—оно предъявляется первобытными народами, необходимость его сознается даже дѣтьми. «Я не желаю уничтожить собственности, говоритъ Джорджъ; я желаю сдѣлать право собственности болѣе священнымъ».

«Я не желаю даже поставить искусственныхъ предѣловъ для

накопленія богатствъ. Всякій вправѣ накоплять до тѣхъ поръ, пока не вредитъ интересамъ другихъ».

«Я уважаю Асторовъ за то, что они основали въ Нью-Іоркѣ общественную библіотеку, уважаю Купера за то, что онъ основалъ институтъ своего имени; но граждане Нью-Іорка должны краснѣть отъ стыда, потому что устройство библіотекъ и институтовъ есть общественное дѣло, а не дѣло одного милліонера». Многіе реформаторы думаютъ, что можно выбирать лишь между нищенствомъ и грабежомъ, между подачкою филантропа и насильственнымъ отнятіемъ чужого имущества.

Лучше подумать о томъ, какъ мирнымъ путемъ обезпечить естественныя права человѣка. Истинный духъ такой проповѣди проявляется въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ итальянскимъ рабочимъ однимъ изъ дѣятелей Италіи:

«Всѣ дѣйствія Христа были яснымъ подтвержденіемъ его проповѣди... Будьте такимъ, какъ онъ, и вы побѣдите. Проповѣдуйте долгъ любви и исполняйте вашъ собственный долгъ. Проповѣдуйте добродѣтель, самопожертвованіе и любовь; будьте добродѣтельны, любите людей и готовьтесь пожертвовать собою. Проповѣдуйте смѣло и безбоязненно; но безъ гнѣва, безъ насилія, безъ угрозъ. Величайшей угрозой будетъ ваша твердость и непоколебимость».

Всѣ согласны въ томъ, что права существовали задолго до признанія ихъ законодательствомъ, и что есть законы, стоящіе выше человѣческихъ законовъ. Назовите ихъ божественными, естественными, дайте имъ названіе врожденныхъ нравственныхъ законовъ—все это будетъ лишь споръ о словахъ. Общее сознаніе человѣчества признаетъ эти законы. Если исключить самыхъ грубыхъ дикарей, то убійство вездѣ считается преступнымъ, хотябы оно предписывалось закономъ; людоѣдство почти исчезло даже въ средѣ дикарей. Естественныя права, стоящія выше всѣхъ судебниковъ и уложеній, образуютъ истинное основаніе общественной организаціи. Для сохраненія здоровья необходимо знать законы физической природы человѣка; для счастливой общественной жизни необходимо создать учрежденія, согласныя съ нравственнымъ закономъ.

Всѣ наши бѣдствія происходятъ только отъ того, что мы на каждомъ шагу попираемъ законы природы и Божества.

Развѣ естественное и неотчуждаемое право жизни, свободы и счастія не включаетъ права свободнаго развитія способностей каждаго человѣка? Развѣ не очевидно, что это право запрещаетъ намъ принуждать другихъ людей отдавать намъ плоды ихъ труда? Но на самомъ дѣлѣ мы поступаемъ такъ на каждомъ шагу. Наши учрежденія не ограждаютъ правъ человѣка.

Побывайте въ Англіи, странѣ политической свободы. «Британцы никогда не будутъ рабами», говорится въ одной англійской пѣснѣ. Вспомните англійскаго сельскаго батрака. Онъ умѣетъ пахать и сѣять; онъ видитъ всюду богатую почву. Онъ имѣетъ полное право распоряжаться своимъ трудомъ по произволу; но это право есть смѣшная фикція. На самомъ дѣлѣ, онъ такой-же подневольный работникъ, какъ рабъ или крѣпостной. Нельзя быть земледѣльцемъ, не владѣя землей: тотъ, кто работаетъ на чужой землѣ, всегда останется батракомъ, хотя-бы по закону страны онъ считался свободнымъ и полноправнымъ гражданиномъ. Представьте себѣ человѣка, котораго выбросили за бортъ корабля посреди океана и говорятъ ему: тебѣ предоставляется полная свобода выбраться на берегъ. Но, вѣдь, точно такая-же злая иронія звучитъ въ совѣтѣ, который даютъ рабочему. Ему говорятъ: ты свободенъ, никто не заставляетъ тебя вступать въ договоръ съ предпринимателемъ, если ты находишь условія контракта невыгодными. Но человѣкъ — рабъ своихъ насущныхъ потребностей. Если-бы современный англійскій рабочій родился тысячу лѣтъ тому назадъ, онъ получилъ-бы участокъ земли и могъ-бы пасти скотъ въ общественномъ лѣсу и на общественномъ пастбищѣ. Даже двѣсти лѣтъ тому назадъ въ Англіи были еще обширныя общинныя земли. Теперь все огорожено и стало собственностью лордовъ. Общинная земля покрылась господскими парками, гдѣ пасется жирный скотъ. «Свободный» англичанинъ, имѣвшій счастіе родиться въ XIX вѣкѣ, продаетъ свой трудъ и получаетъ за это жалкую хижину, съ полуразрушенной кровлей, сырую, душную, вонючую. Онъ, его жена и дѣти работаютъ отъ восхода до захода солнца, копаютъ землю, очищаютъ поле отъ сорныхъ травъ. Въ случаѣ болѣзни батракъ

вынужденъ прибѣгать къ помощи прихода или какой-нибудь госпожи Милосердовой или господина Филантропова. Но для того, чтобы пользоваться этой помощью, сколько надо пройти мытарствъ, испытать всевозможныхъ униженій! Жена батрака въ тридцать лѣтъ — старуха; дочь его на двѣнадцатомъ году посѣщаетъ кабаки и публичные дома; сыновья невѣжественны, грубы, склонны къ пьянству и дракѣ. Старики и старухи доживаютъ свой вѣкъ въ богадѣльняхъ.

Развѣ такая жизнь лучше жизни раба? Негръ былъ цѣннымъ товаромъ, онъ стоилъ 1,000 долларовъ, и съ нимъ обращались какъ съ дорогою лошадью. Бѣлый англійскій рабъ не имѣетъ никакой цѣнности. Если онъ умретъ, предприниматель не почувствуетъ ни малѣйшаго ущерба.

Но развѣ въ Америкѣ признано начало, могущее избавить ее въ будущемъ отъ тѣхъ бѣдствій, которыя испытываетъ англійскій батракъ? Развѣ право американскаго гражданства влечетъ за собою право на владѣніе участкомъ земли? Сила общества есть соединеніе силъ его членовъ; а между тѣмъ Англія ежегодно лишаетъ себя десятковъ тысячъ гражданъ, отправляя ихъ на государственный счетъ въ Америку. Но если въ Америкѣ всѣ земли будутъ въ рукахъ лордовъ, то куда направится американская эмиграція? Здоровое и сильное населеніе, по большей части лучшіе представители рабочаго класса Ирландіи, оставляютъ свою родину, ставшую для нихъ мачихой. Государство вывозитъ ихъ, какъ негодный мусоръ. Но эмиграція, поддерживаемая правительствомъ, составляетъ лишь каплю въ морѣ по сравненію съ добровольной эмиграціей.

Джорджъ описываетъ одну изъ мѣстностей Ирландіи, откуда преимущественно выселяются эмигранты, поощряемые правительствомъ. «Американецъ прежде всего изумляется тому, что эта часть Ирландіи отличается чрезвычайно рѣдкимъ населеніемъ». Удивляешься, кому здѣсь выселяться, когда и людей почти нѣтъ. Вездѣ много пахатныхъ земель, но ихъ обратили въ пастбища. Скотъ благороднаго лорда, живущаго заграницей и, быть можетъ, никогда не посѣщавшаго своихъ имѣній, пасется на лугахъ; и весь онъ такой жирный и чистый: можно подумать, что этихъ барановъ

чешутъ и моютъ каждый день. Было время, когда здѣсь красовались живописныя селенія; теперь кое-гдѣ видишь жалкую избушку, и ея обитатели не позавидуютъ жителямъ Огненной Земли. Густое населеніе вы, впрочемъ, найдете, если отправитесь въ горы или на морскіе берега, вообще въ мѣстности, гдѣ земля не родитъ хлѣба; и за эти жалкіе клочки земли все-же приходится платить высокую ренту, достигающую отъ 1 до 4 фунтовъ за акръ (акръ = 0,37 дес.). Но и это еще не все: надо платить особо за торфъ, служащій топливомъ, и даже за водоросли, выбрасываемыя морскими волнами; водоросли служатъ въ пищу, когда не хватаетъ картофелю. Тѣ изъ бѣдняковъ, которые имѣютъ нѣсколькихъ цыплятъ или поросенка,—уже богачи среди другихъ, но они никогда не рѣшаются съѣсть подобное сокровище: оно пойдетъ въ продажу, когда придется платить ренту землевладѣльцу. Въ устьяхъ рѣкъ плаваютъ жирные лососи; не думайте, что они попадутъ на столъ бѣдняка. Если-бы сама природа производила рыбъ съ печатными адресами на спинѣ: лорду такому-то, едва-ли эта надпись могла-бы что-нибудь прибавить къ существующему порядку вещей. Безъ всякаго адреса рыба попадаетъ туда, гдѣ за нее заплатятъ. Въ деревенскихъ лавчонкахъ вы найдете немного предметовъ роскоши. Двѣ-три красныя фланелевыя юбки, бутылка «отечественной» настойки. Въ 1882 году одинъ чиновникъ, описывавшій имущество сотни семействъ, вычислилъ, что общая стоимость этого имущества едва-ли достигала 3 фунтовъ.

Много писали и говорили объ ирландскомъ «лэндлордизмѣ», о господствѣ землевладѣльцевъ въ этой странѣ. Но если забыть на время интересы партій, то придется сознаться, что ирландскій лэндлордизмъ не представляетъ исключительнаго явленія. Въ американскихъ газетахъ мы постоянно читаемъ сообщенія о томъ, что какой-нибудь землевладѣлецъ, хотя и не имѣющій титула, выгоняетъ десятки и сотни фермеровъ, не имѣющихъ средствъ уплатить ренту. Америка считается страной мелкаго землевладѣнія; посмотримъ, насколько это справедливо.

Американская цивилизація создана мелкими землевладѣльцами. Въ 1790 году городское населеніе составляло $3^1/_3$ процента всего населенія; въ 1880 г. оно достигло $22^1/_2$ процентовъ. Земле-

дѣльческая промышленность до сихъ поръ играетъ важную роль, но, взятыя въ совокупности, всѣ остальныя отрасли промышленности далеко превышаютъ земледѣліе. Въ 1880 году на 17 слишкомъ милліоновъ рабочаго населенія приходилось $7^1/_2$ милліоновъ земледѣльцевъ. Но если принять во вниманіе земледѣльцевъ наемниковъ, мы увидимъ, что и теперь уже Америка заслуживаетъ названія «страны батраковъ». Въ 1880 г. въ Америкѣ осталось всего 4 милліона фермъ и плантацій. Свыше 1 милліона фермеровъ платятъ ренту деньгами или натурой; остается около 3 милліоновъ номинальныхъ собственниковъ фермъ, что составляетъ менѣе половины всего земледѣльческаго населенія. Но въ Америкѣ есть множество фермеровъ, владѣющихъ землей на началахъ долгосрочной аренды, которые показываются въ отчетахъ въ числѣ собственниковъ; по всей вѣроятности половина такъ называемыхъ мелкихъ землевладѣльцевъ должна быть отнесена къ числу арендаторовъ, по крайней мѣрѣ въ восточныхъ, если не западныхъ штатахъ. Типичный американскій фермеръ — крестьянинъ обрабатывающій свое собственное поле — мало по малу уступаетъ мѣсто батраку. Это движеніе началось недавно, но быстрота его изумительна. Новѣйшія изобрѣтенія, машины, желѣзныя дороги, элеваторы — все даетъ преимущества крупному землевладѣльцу въ борьбѣ съ мужикомъ.

Поземельная собственность постепенно сосредоточивается въ рукахъ немногихъ лицъ, обладающихъ монополіей. Пока земля была дешева, она оставалась въ рукахъ бѣдняковъ; теперь повторяется процессъ, начавшійся въ Англіи двѣсти лѣтъ тому назадъ: въ концѣ XVII вѣка, по словамъ Маколея, въ Англіи былъ еще многочисленный классъ крестьянъ.

Главные симптомы капитализма — «излишнее производство» и трудъ остающійся безъ занятія, давно уже проявились въ американской жизни. Что такое излишекъ производства? Слѣдуетъ еще разъ возвратиться къ этому предмету. Мы знаемъ, что милліоны людей терпятъ нужду въ самомъ необходимомъ. Какимъ же образомъ возможна такъ называемая «перепродукція»? Почему не производятъ тѣхъ продуктовъ, которые необходимы массѣ народа? Абсолютная перепродукція есть очевидная нелѣпость. Относитель-

ный излишекъ какого нибудь продукта, конечно, возможенъ. Бываетъ такъ, что производятся въ избыткѣ продукты одного рода, въ то время какъ въ другихъ товарахъ чувствуется недостатокъ. «Перепродукція» есть, въ сущности, невыгодное распредѣленіе силъ, неумѣніе или нежеланіе приспособляться къ потребностямъ массы населенія. Избытокъ производства часовъ и всякаго другаго товара есть относительный избытокъ. Нельзя представить себѣ такого количества часовъ, которое оказалось бы абсолютнымъ излишкомъ: всегда найдутся люди, готовые имѣть часы, если только удовлетворены болѣе насущныя потребности. Перепродукція является, главнымъ образомъ, въ двухъ случаяхъ: при направленіи труда и капитала къ извѣстной отрасли производства, представляющей особенныя временныя выгоды, или же при застоѣ какой нибудь отрасли производства: въ этомъ послѣднемъ случаѣ другіе товары оказываются въ избыткѣ по сравненію съ товаромъ, произведеннымъ въ количествѣ меньшемъ средняго. Представьте себѣ временное оживленіе каменоугольной промышленности, зависящее отъ открытія новыхъ обильныхъ копей или отъ усовершенствованія машинъ. Уголь производится въ количествѣ, превышающемъ средній размѣръ добычи, цѣна его падаетъ, потребители покупаютъ больше прежняго; но вскорѣ пониженіе цѣнъ угля отражается на другихъ товарахъ. Желѣзо, хлѣбъ, почти всѣ товары дешевѣютъ, т. е. уголь относительно другихъ товаровъ снова дорожаетъ и равновѣсіе возстановляется. Таково вліяніе дешевизны и избыточнаго производства всякаго товара, имѣющаго сколько нибудь важное значеніе для народа. Такимъ образомъ возростаніе производства въ одной только отрасли промышленности ведетъ лишь къ временному относительному избытку; вскорѣ всѣ товары начинаютъ производиться въ количествѣ большемъ прежняго. Другими словами, избытокъ каменнаго угля или хлѣба вскорѣ приведетъ къ увеличенію общей массы товаровъ въ каждой отрасли производства.

«Абсолютный избытокъ» есть явная нелѣпость. Обратныя явленія мы видимъ въ томъ случаѣ, если кажущійся избытокъ угля или иного товара зависитъ отъ того, что другія отрасли производства находятся въ упадкѣ или въ застоѣ; внимательное на-

блюденіе показываетъ, что именно этотъ случай почти всегда встрѣчается на практикѣ. Уменьшеніе производства угля отражается на всей народной жизни; общая сумма благосостоянія уменьшается, соль, сахаръ, сукно не находятъ покупателей, т. е. является относительный избытокъ этихъ товаровъ.

Причины застоя и упадка извѣстныхъ отраслей промышленности весьма разнообразны. Въ Америкѣ одной изъ такихъ причинъ оказывается высокій тарифъ, равносильный запрещенію ввоза нѣкоторыхъ заграничныхъ товаровъ. Такое же вліяніе производятъ нѣкоторыя высокія пошлины на внутреннее потребленіе. Питейный акцизъ защищаютъ по какимъ то нравственнымъ основаніямъ: но еще Адамъ Смитъ понялъ, что чѣмъ дороже водка, тѣмъ больше пьяницъ въ странѣ, не говоря уже о вредныхъ подмѣсяхъ, которыя подбавляются безсовѣстными заводчиками и продавцами.

Таможенныя пошлины и акцизы составляютъ, дѣйствительно, крупную помѣху для производства; но существуютъ препятствія еще болѣе тяжелыя. Основная причина неравномѣрности производства и всѣхъ торговыхъ кризисовъ состоитъ въ томъ, что трудъ примѣняется наименѣе экономичнымъ способомъ. Между производствомъ и потребленіемъ нѣтъ никакой связи и гармоніи, внѣ той связи, которая обнаруживается на рынкѣ, т. е. тогда, когда продукты уже произведены. И эта неравномѣрность, въ свою очередь, зависитъ отъ еще болѣе глубокой причины, отъ крайне невыгоднаго распредѣленія населенія. Что такое наши цивилизованныя страны? Это обширныя пространства съ рѣдкимъ населеніемъ, въ которыхъ встрѣчаются центры, гдѣ, наоборотъ, скучиваніе населенія доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Посреди безлюдныхъ равнинъ возвышаются города съ пятиэтажными домами, гдѣ люди живутъ, какъ сельди въ бочкѣ. Можно ли придумать болѣе чудовищный, болѣе ненормальный организмъ? Удивительно ли послѣ этого, что самый проницательный предприниматель не можетъ предвидѣть всѣхъ потребностей этого организма и придумать заранѣе всѣ способы удовлетворить этимъ потребностямъ? Въ городахъ мы видимъ непомѣрное скучиваніе населенія; въ деревняхъ крайнее безлюдье, недостатокъ путей сообщенія, трудность доставки самыхъ дешевыхъ товаровъ, иногда недостатокъ рабочихъ рукъ,

такъ какъ рабочіе бѣгутъ въ города въ надеждѣ на лучшее вознагражденіе, или же потому, что успѣли вкусить ядовитый плодъ городской цивилизаціи.

Капиталъ стремится овладѣть всей территоріей, и онъ уже успѣлъ создать баснословныя цѣны на землю. Скоро придетъ время, когда американскій рабочій, подобно современному англійскому батраку, не посмѣетъ мечтать о пріобрѣтеніи клочка земли. И въ этомъ слѣдуетъ видѣть величайшую опасность и возможность тяжелыхъ торговыхъ кризисовъ. Когда застой извѣстной отрасли промышленности постигаетъ страну, гдѣ земля дешева, рабочій всегда находитъ исходъ: онъ оставляетъ города и возвращается къ своей кормилицѣ землѣ. Но въ странахъ подобныхъ Англіи, нѣтъ естественнаго клапана, предупреждающаго взрывъ: кризисъ наступаетъ внезапно и губитъ тысячи семействъ.

На это возражаютъ: «развѣ могутъ всѣ обратиться въ мужиковъ? Развѣ всѣмъ необходимо владѣть землей?

«На это я отвѣчаю, говоритъ Джорджъ, что всѣ нуждаются въ землѣ». Безъ земли немыслимо человѣческое существованіе, немыслимо никакое занятіе. Не одни земледѣльческіе классы пользуются землей. Всѣ наши богатства въ концѣ концовъ сводятся къ труду и землѣ.

Да и главное возраженіе не имѣетъ никакой силы. Говорятъ, что всѣ не могутъ обратиться въ пахарей; напротивъ, земледѣліе есть единственное занятіе, которымъ могли бы заниматься всѣ. Если бы всѣ занялись торговлей, портняжествомъ, строеніемъ машинъ, человѣчество умерло-бы съ голоду. Но существовали и существуютъ общества, гдѣ единственнымъ занятіемъ было и есть земледѣліе и другія отрасли сельской промышленности (огородничество, скотоводство). Но и теперь, даже въ промышленныхъ странахъ, города живутъ на счетъ селеній; мужикъ, фермеръ, батракъ по прежнему есть кормилецъ всѣхъ классовъ населенія. Условія земледѣльческаго труда и теперь являются регуляторами труда вообще. Если спросъ на земледѣльческій трудъ значителенъ, т. е. заработная плата высока въ этой отрасли промышленности, то она и вообще высока и, наоборотъ, тамъ гдѣ сельскій батракъ получаетъ ничтожное вознагражденіе, фабричный трудъ остается

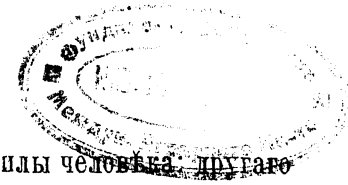
также плохо вознагражденнымъ. Но не очевидно ли, что положеніе сельскаго рабочаго всецѣло зависитъ отъ распредѣленія поземельной собственности, отъ легкости или трудности сдѣлаться изъ батрака хозяиномъ. Незанятыя рабочія руки существуютъ лишь въ тѣхъ странахъ, гдѣ значительная часть населенія устранена отъ владѣнія землей, или же владѣетъ скудными клочками земли, недостаточными для пропитанія. Если бы каждый фабричный рабочій отпущенный съ фабрики, каждый заштатный чиновникъ, отставной солдатъ, студентъ бѣгающій по урокамъ—могъ пріобрѣсть участокъ земли, достаточный для безбѣднаго существованія, то всѣ были бы сыты и счастливы. Но если исключить пустыни и болота, то трудно найти землю, которая не могла бы питать всѣхъ своихъ жителей. И развѣ мы не знаемъ, что пустыни и болота могутъ превратиться въ сады, точно такъ же какъ, обратно, сады и селенія превращаются въ пустыни вслѣдствіе хищничества человѣка?

Но вѣдь кромѣ «природы» въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. кромѣ земли, воды, воздуха есть еще произведенія рукъ человѣческихъ: снаряды, орудія, машины, изобрѣтенія увеличивающія производительность труда. Служатъ ли они благу человѣчества или, наоборотъ, увеличиваютъ и порождаютъ насиліе?

Восточные народы относятся крайне недовѣрчиво къ машинамъ. Китайцы положительно воспротивились введенію паровой машины. Нельзя объяснить это сопротивленіе только косностью и невѣжествомъ. Китайцы настолько умны и опытны, что понимаютъ значеніе машинъ въ дѣлѣ увеличенія производительности труда; но они понимаютъ также, что необычайно плотное населеніе Китая будетъ приведено машинами къ совершенной нищетѣ и гибели.

Въ западной Европѣ введеніе машинъ было самымъ могущественнымъ средствомъ концентраціи капиталовъ. Стоимость товаровъ уменьшилась во всѣхъ отрасляхъ производства, и вмѣстѣ съ тѣмъ множество рабочихъ рукъ осталось безъ занятій.

Но машины неодушевленныя существа, не обладающія ни доброй, ни злой волей. Сами по себѣ онѣ не могутъ причинить вреда, не могутъ принести и пользы. Все зависитъ отъ способа



пользованія ими. Машины увеличиваютъ силы человѣка; другаго дѣйствія онѣ не имѣютъ, и не могутъ имѣть. Стало быть слѣдуетъ разсуждать не о вредѣ и пользѣ машинъ, но о полезномъ или вредномъ направленіи силъ человѣка, дѣйствующихъ при помощи машинъ.

Непосредственное слѣдствіе всякаго техническаго усовершенствованія состоитъ въ увеличеніи производительности труда. Поэтому, если продуктъ труда принадлежитъ рабочему, машина можетъ принести только пользу. Всѣ продукты, всѣ богатства создаются трудомъ; капиталъ есть лишь орудіе производства. Пока введеніе машины и вообще техническія усовершенствованія не создаютъ никакой монополіи, они стремятся къ пониженію барыша капиталиста: объ этомъ можно судить отчасти потому, что введеніе машинъ не повысило, а значительно понизило денежный процентъ, служащій до извѣстной степени мѣрой барыша. Такимъ образомъ, если бы капиталистическое производство, въ свою очередь, не зависѣло отъ условій земледѣльческаго труда, то введеніе машинъ было-бы выгодой не для капиталистовъ, а для рабочихъ. Слѣдуетъ сдѣлать лишь одну оговорку.

Машинное производство способствуетъ образованію крупныхъ капиталовъ, а потому отчасти благопріятствуетъ созданію и упроченію монополій; но разъ является монополія, она влечетъ за собою пониженіе заработной платы и вообще послѣдствія, невыгодныя для рабочаго.

Однако, по мнѣнію Джорджа, установленіе монополіи капитала всегда является послѣдствіемъ положенія какъ труда, такъ и капитала по отношенію къ землѣ. Всякое изобрѣтеніе увеличиваетъ производительность труда; но никакое изобрѣтеніе не можетъ освободить трудъ отъ зависимости, которая связываетъ его съ землею. Какъ только земля стала частной собственностью ничтожнаго меньшинства, всякое техническое улучшеніе послужитъ на пользу не труду, и даже не капиталу, а землевладѣльцамъ. Всякое улучшеніе, введеніе машинъ, раціональная культура, всѣ изобрѣтенія повышаютъ цѣнность земли, какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ. Прослѣдимъ напр. вліяніе желѣзныхъ дорогъ. Желѣзныя дороги не прибавляютъ ни одного фунта къ урожаю хлѣба и не

увеличиваютъ непосредственно количества мануфактурныхъ товаровъ. Онѣ уменьшаютъ стоимость перевозки, что производитъ точно такое же дѣйствіе, какъ и всякое улучшеніе производства. Вслѣдствіе этого, часть труда, который истрачивался прежде на перевозку, можетъ быть примѣнена къ добыванію большаго количества продуктовъ, т. е. прежнее количество труда можетъ теперь произвесть большее количество продуктовъ. Но желѣзныя дороги всюду сдѣлались монополіей капиталистовъ. Собственники этихъ дорогъ собираютъ дань съ публики, при чемъ львиная доля приходится на долю желѣзнодорожной администраціи. Но за вычетомъ этой доли, все остальное приходится на долю владѣльцевъ желѣзнодорожнаго пути, которыхъ слѣдуетъ считать землевладѣльцами, такъ какъ имъ принадлежитъ часть поземельной собственности, отчужденная отъ прежнихъ владѣльцевъ или уступленная государствомъ. Производительность труда несомнѣнно возросла; но плоды отъ этого улучшенія пожали не рабочіе, а прежніе и новые землевладѣльцы. Умудренные опытомъ, мы теперь знаемъ, что постройка желѣзной дороги почти не повышаетъ заработной платы: но она значительно повышаетъ продажную цѣну земли и поземельную ренту.

Нѣтъ такого улучшенія, которое въ концѣ концевъ не принесло бы существенной пользы землевладѣльцамъ. Представьте себѣ, что Нью-іоркскіе милліонеры вздумали въ одинъ прекрасный день облагодѣтельствовать населеніе этого города. Одинъ построилъ университетъ, другой библіотеку, третій занялся мощеніемъ улицъ, четвертый взялъ на себя пожарную часть. Все это уменьшитъ городскіе налоги и на время удешевитъ жизнь. Но вскорѣ положеніе дѣлъ измѣнится. Удобства и дешевизна привлекутъ въ Нью-Іоркъ множество пріѣзжихъ; цѣны на квартиры поднимутся, а также и цѣны на городскія мѣста, удобныя для постройки домовъ. Въ концѣ концевъ выиграютъ домовладѣльцы и владѣльцы пустопорожнихъ мѣстъ, т. е. собственники городской земли; другими словами всѣ выгоды выпадутъ на долю ренты.

Знаменитый «желѣзный законъ заработной платы» [1]) состав-

[1]) Законъ этотъ признается всѣми экономистами, хотя и высказывается

ляетъ, по мнѣнію Джорджа, прямое послѣдствіе отношенія труда къ недвижимой собственности и, главнымъ образомъ, къ землѣ.

«Владыка земли» всегда былъ и будетъ «владыкой человѣка». Робинзонъ Крузо обратилъ Пятницу въ рабство. Предположимъ, что вмѣсто этого онъ привѣтствовалъ бы дикаря какъ брата, прочелъ бы ему «Декларацію независимости» и «Манифестъ объ освобожденіи рабовъ» и сообщилъ бы ему, что съ этихъ поръ Пятница считается свободнымъ и полноправнымъ гражданиномъ. Все это было бы очень гуманно, но мы предположимъ, что при этомъ Робинзонъ добавилъ: «вся земля моя». Пятница не можетъ жить, подобно птицѣ, въ высяхъ небесныхъ; да и птица нуждается въ гнѣздѣ, и ей необходимо имѣть свой клочекъ земли. Очевидно, что Пятница и въ этомъ случаѣ будетъ рабомъ Робинзона.

Торговля рабами есть лишь грубая форма рабовладѣльчества. Гдѣ земля дешева — это бываетъ въ странахъ, гдѣ нѣтъ промышленныхъ центровъ и гдѣ населеніе имѣетъ весьма малую плотность, — тамъ процвѣтаетъ торгъ людьми; онъ исчезаетъ въ странахъ съ густымъ населеніемъ, гдѣ земля имѣетъ высокую цѣнность. Плантаторы южныхъ штатовъ нисколько не сожалѣютъ объ уничтоженіи рабства: наемные работники обходятся имъ гораздо дешевле рабовъ. «Основной порокъ новѣйшей цивилизаціи состоитъ въ томъ, что она признала землю частной собственностью. Изъ этого ложнаго начала исходятъ всѣ наши бѣдствія... Безъ земли человѣкъ не можетъ существовать, вся его жизнь, добываніе пищи, жилище—все имѣетъ связь съ землею». Завоеватели древняго міра и среднихъ вѣковъ превосходно знали, что овладѣть землею значитъ покорить народъ. Торговый капиталъ—деньги и товары, всякое движимое имущество, какъ бы оно ни было колоссально, никогда не можетъ создать экономическаго рабства. Лишь обладаніе недвижимостью доставляетъ истинную власть, которою пользуется капиталъ. Эту мысль Джорджъ поясняетъ слѣдующей притчей.

ими въ различной формѣ, и состоитъ въ томъ, что заработная плата всегда стремится къ такому минимуму, при которомъ рабочій можетъ только влачить существованіе и оставлять потомство, достаточное для пополненія недостатка рабочихъ рукъ.

Купецъ, шулеръ и пиратъ заключили между собою договоръ и сообща наживали деньги. Къ нимъ пришелъ изобрѣтатель и сказалъ: я придумалъ машину, которая удесятеритъ производительную силу нашихъ рабочихъ. Я сообщу вамъ свой секретъ, но съ условіемъ получать съ васъ нѣкоторый процентъ. Сказано, сдѣлано. Изобрѣтеніе идетъ въ ходъ, количество продуктовъ увеличивается въ десять разъ. Но рабочіе ничего не выиграли. Взаимное соперничество принуждаетъ ихъ получать такую же плату, какую они получали раньше. Расширеніе промышленности и торговли привлекаетъ новыхъ поселенцевъ на воображаемый островъ. Рента повышается, и часть барыша выпадаетъ на долю землевладѣльцевъ; однако другая часть идетъ въ пользу купца, шулера и пирата, и нѣкоторая доля отчисляется въ пользу изобрѣтателя. Богатство всѣхъ этихъ господъ возростаетъ, положеніе рабочихъ абсолютно не измѣняется, но относительно становится хуже, потому что они сравниваютъ себя съ разбогатѣвшими предпринимателями. Нѣкоторые изъ рабочихъ начинаютъ разсуждать о естественныхъ правахъ человѣка на землю. Но вотъ встаетъ одинъ изъ рабочихъ, называетъ товарищей «мечтателями» и предлагаетъ, «трезво взглянуть на жизнь». Будемъ практичными, говоритъ онъ и призываетъ товарищей къ борьбѣ съ насиліемъ. Онъ объясняетъ имъ, что купецъ наживается на ихъ счетъ. «Это ростовщикъ, берущій съ насъ за всякій товаръ по 50 процентовъ съ настоящей цѣны. Учредимъ потребительное общество и будемъ открывать собственныя лавки. Что касается изобрѣтателя, онъ уже получилъ довольно значительную сумму, — будетъ съ него и этого! Надо прекратить его привиллегію. Съ шулеромъ и пиратомъ мы поступимъ проще: прогонимъ ихъ съ острова».

Всѣ рукоплещутъ, и слѣдуютъ этому совѣту. И что же? Весь доходъ, отнятый у купца, изобрѣтателя, пирата — попадаетъ въ руки землевладѣльцевъ. Дѣйствительно, соперничество между рабочими вскорѣ приведетъ къ повышенію ренты. Земля и вся жизнь вздорожаетъ и положеніе рабочаго останется прежнимъ. Другими словами, рабочій всегда будетъ довольствоваться тѣмъ уровнемъ заработной платы, который достаточенъ для удовлетворенія самыхъ

насущныхъ нуждъ его семьи; и землевладѣльцы всегда будутъ въ состояніи возвысить ренту, если уровень заработной платы временно возвысится.

Джорджъ вездѣ упоминаетъ только о землѣ, но легко видѣть, что если принять его ученіе, то нѣтъ необходимости говорить особо о рентѣ съ другихъ видовъ недвижимаго имущества.

Такъ напр. квартирная плата, цѣна домовъ и всякихъ помѣщеній, зависитъ главнымъ образомъ отъ поземельной ренты и цѣнъ на землю. Если даже принять во вниманіе стоимость матеріаловъ, то значительная часть ихъ, какъ напр. камень, известь, кирпичъ добывается изъ земли, и цѣнность этихъ продуктовъ въ свою очередь имѣетъ связь съ цѣнностью поземельной собственности и рентой. Если же къ поземельной собственности причислить лѣса, то окажется, что вопросъ о владѣніи домами составляетъ всегда лишь часть аграрнаго вопроса, который лежитъ въ основаніи всѣхъ соціальныхъ задачъ.

Но что же дѣлать?

Есть люди, неспособные идти далѣе полумѣръ. Но полумѣры обыкновенно не удовлетворяютъ никого, и только вносятъ рознь и увеличиваютъ раздоръ.

Рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ можетъ быть успѣшно лишь въ томъ случаѣ, когда будутъ устранены общія причины концентраціи собственности. Были реформаторы, предлагавшіе мѣру, которая кажется чрезвычайно рѣшительнымъ средствомъ: говорили, что слѣдуетъ начать съ опредѣленія наибольшаго количества земли, которымъ вправѣ владѣть каждый гражданинъ. Но подобная мѣра едва ли устранитъ зло. Ее можно сравнить съ закономъ, который запретилъ бы рабовладѣльцамъ имѣть болѣе опредѣленнаго количества рабовъ; сомнительно, чтобы такая мѣра могла уничтожить рабство.

Были государства, признававшія землю собственностью всего народа, и до-сихъ-поръ мы видимъ остатки этого воззрѣнія въ общинномъ быту славянскихъ и многихъ другихъ народностей. Въ этой формѣ землевладѣнія и видитъ спасеніе Джорджъ. Частная поземельная собственность привела къ тому, что множество пахатныхъ земель остается безъ обработки; превращеніе по-

земельной собственности въ товаръ привело къ спекуляціи на землю и къ хищническому хозяйству, которое стремится извлечь изъ почвы всѣ соки въ возможно короткій промежутокъ времени. Частная поземельная собственность создала крайне невыгодное распредѣленіе населенія, направляя колонизацію туда, гдѣ земля еще не захвачена въ частныя руки. Частная собственность создала непомѣрный ростъ городовъ, въ ущербъ селамъ, увеличила нѣкоторые промышленные центры на счетъ мелкихъ городовъ и, вообще, привела къ неравномѣрному распредѣленію матеріальныхъ и умственныхъ силъ общества.

Давно уже опровергнутъ предразсудокъ, состоящій въ томъ, что общинное землевладѣніе является будто бы серьезнымъ препятствіемъ для сельскохозяйственныхъ улучшеній. Въ Америкѣ мы видимъ на каждомъ шагу, что улучшенія примѣняются фермерами и капиталистами, нанимающими чужую землю. Многіе изъ лучшихъ домовъ Ньюіорка построены на арендуемой землѣ.

Въ Калифорніи большая часть земель, на которыя затрачены громадные капиталы, эксплуатируются предпринимателями, которые не могутъ считаться землевладѣльцами: они владѣютъ рудникомъ лишь до-тѣхъ-поръ, пока продолжаютъ разработку. Полная собственность или «вѣчное и потомственное владѣніе» вовсе не составляетъ условія, необходимаго для прогресса земледѣлія и другихъ промысловъ: улучшенія примѣняются вездѣ, гдѣ затраченный на нихъ трудъ и капиталъ находитъ достаточное вознагражденіе.

Если земля станетъ собственностью государства, то улучшенія будутъ примѣняться еще успѣшнѣе, чѣмъ въ наше время, потому что улучшеніемъ воспользуется тотъ, кто затратитъ на него трудъ и капиталъ; при современной системѣ, всякое улучшеніе, по истеченіи срока аренды, влечетъ за собою повышеніе арендной платы и главную выгоду отъ него получаетъ землевладѣлецъ, хотя бы онъ лично не пошевельнулъ пальцемъ и не затратилъ ни полушки.

Націонализація поземельной собственности, по мнѣнію Джорджа, составляетъ основную реформу, безъ которой всѣ прочія мѣры не принесутъ никакой существенной пользы. Для этого нѣтъ не-

обходимости въ какомъ бы то ни было насильственномъ переворотѣ и «передѣлѣ» земли. Передѣлы возможны лишь въ первобытныхъ общинахъ, какова древне-индійская община и, отчасти, современный русскій «міръ». Простѣйшее средство, помощью котораго будетъ достигнута націонализація поземельной собственности, состоитъ, по мнѣнію Джорджа, въ замѣнѣ всѣхъ податей, пошлинъ и налоговъ обложеніемъ ренты, другими словами государственнымъ поземельнымъ сборомъ, который долженъ поглотить всю существующую ренту.

«Это простое средство, значительно упрощая финансовый механизмъ государства, превратитъ землю косвеннымъ образомъ въ національную собственность. Устанавливая государственный поземельный сборъ, поглощающій ренту (съ сельской и городской земли), мы создадимъ источникъ, не только равный нынѣшнимъ финансовымъ рессурсамъ, но дающій значительный запасной капиталъ. При подобной системѣ обложенія, исчезнетъ самъ собою тотъ видъ землевладѣнія, при которомъ собственникъ земли пожинаетъ то, чего не сѣялъ. Если вся рента будетъ поглощаться государственнымъ сборомъ, то земля фактически перейдетъ въ руки тѣхъ, кто лично занимается хозяйствомъ».

«Люди, никогда не занимавшіеся поземельнымъ вопросомъ, скажутъ, что мысль совершить крупную соціальную реформу помощью простой финансовой мѣры, крайне нелѣпа и неосуществима».

Но замѣна всѣхъ видовъ податей и пошлинъ предлагаемой здѣсь государственной рентой не есть простой финансовый фокусъ. Эта мѣра освободитъ трудъ и капиталъ отъ главныхъ препятствій, служащихъ помѣхой производству. Она поведетъ къ значительному расширенію всѣхъ отраслей промышленности. Она уничтожитъ всякую поземельную монополію, потому что владѣніе землею станетъ выгоднымъ лишь для тѣхъ, кто лично пользуется ею. Никто не станетъ покупать земли съ барышнической цѣлью, т. е. съ разсчетомъ, что цѣнность ея возростетъ современемъ. Громадныя пространства лучшей пахатной земли не будутъ оставаться безъ обработки, такъ какъ владѣлецъ въ этомъ случаѣ будетъ вынужденъ платить такую же ренту, какъ если бы онъ пользовался землею. Распредѣленіе поземельной собственности само собою будетъ

стремиться къ нѣкоторой равномѣрности. Рента, превратившись въ государственную собственность, будетъ расходоваться не по вкусамъ и склонностямъ отдѣльныхъ лицъ, но сообразно съ потребностями народа и государства. Устраненіе условій, стѣсняющихъ примѣненіе труда къ обработкѣ земли и къ другимъ отраслямъ промышленности, совершенно измѣнитъ законъ заработной платы. Трудъ, остающійся въ настоящее время празднымъ, будетъ привлеченъ къ дѣлу, и предприниматели будутъ соперничать между собою въ гораздо большей степени, нежели рабочіе. Явится новый законъ, въ силу котораго заработная плата будетъ стремиться не къ наименьшему, а къ наивысшему уровню, какой только возможенъ для того, чтобы предприниматель могъ вознаградить себя за хлопоты и рискъ. Исчезнетъ дорого стоющая армія таможенныхъ и акцизныхъ чиновниковъ, будутъ устранены послѣдствія косвенныхъ налоговъ, всегда падающихъ тяжелымъ бременемъ на недостаточные классы населенія. Самая государственная машина будетъ настолько упрощена, что исчезнутъ главные поводы къ подкупамъ, къ взяточничеству и казнокрадству.

Изъ всѣхъ цѣнностей существуетъ лишь одна, а именно цѣнность поземельной собственности, которая настолько приспособлена къ финансовому обложенію, насколько ноги приспособлены къ ходьбѣ. Чтобы понять все значеніе предлагаемой реформы, надо, говоритъ Джорджъ, глубже вникнуть въ сущность поземельной ренты и цѣнности земли. Основное положеніе политической экономіи состоитъ въ томъ, что цѣнность отличается отъ полезности. Цѣнность создается исключительно трудомъ, тогда какъ полезность продукта далеко не пропорціональна труду, затраченному на производство. Но существуютъ цѣнности, создаваемыя индивидуальнымъ трудомъ, или-же трудомъ нѣсколькихъ индивидуумовъ: такова цѣнность сюртука, созданная трудомъ сравнительно немногочисленной группы лицъ. Цѣнность земли имѣетъ совершенно особый характеръ. Она создается процессомъ общественнаго роста, или, такъ сказать, трудомъ цѣлаго общества. Это не есть трудъ распашки, боронованія и унавоживанія: такой трудъ создаетъ лишь добавочную цѣнность, имѣющую индивидуальный характеръ. Цѣнность земли, выражаемая въ поземельной рентѣ, создана трудомъ

постепеннаго сплоченія и усложненія общества, взятаго въ цѣломъ.

Рента составляетъ продуктъ коллективнаго труда человѣчества, и, обратно, всякое улучшеніе, всякій общественный прогрессъ, въ сферѣ технической, умственной и нравственной, выражается осязательнымъ образомъ въ возростаніи ренты. Это ученіе Джорджа составляетъ лишь дальнѣйшее развитіе взглядовъ Рикардо, Милля и Спенсера. Рикардо показалъ, что рента зависитъ не отъ абсолютной производительности земледѣльческаго труда, но отъ различія участковъ, т. е. она обусловливается не только индивидуальнымъ отношеніемъ человѣка къ силамъ природы, но и соціальными причинами. Эти причины Рикардо видѣлъ въ исторической послѣдовательности, съ которою распространяется культура, становясь все болѣе интенсивною и переходя отъ болѣе плодородныхъ участковъ къ менѣе плодороднымъ. Если землевладѣльцы обладаютъ различными по качеству участками, то найдутся такіе участки, которые вовсе не дадутъ ренты, а именно тѣ участки, которые при существующихъ цѣнахъ на хлѣбъ даютъ доходъ, покрывающій издержки производства и доставляющій фермеру барышъ почти такого-же размѣра, какой существуетъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Въ этой теоріи были значительные пробѣлы, отчасти пополненные Миллемъ. Историческій процессъ, указанный Рикардо, оказался невѣрнымъ въ частныхъ случаяхъ, что подорвало довѣріе къ его основной формулѣ. Не всегда народъ переходитъ отъ болѣе плодородныхъ участковъ къ менѣе плодороднымъ, и Милль долженъ былъ ограничить ученіе Рикардо, показавъ, что вопросъ состоитъ не столько въ естественномъ плодородіи, сколько въ возможности утилизировать извѣстныя силы природы въ данную историческую эпоху [1]). Но ученіе самого Милля было въ значительной мѣрѣ запутано признаніемъ вѣрности взглядовъ Мальтуса. Поэтому, хотя Милль раньше всѣхъ англійскихъ государственныхъ людей выдвинулъ вопросъ о національ-

---

[1]) Рикардо впрочемъ указывалъ на послѣдовательно вложенные капиталы, но вообще далъ теорію лишь капиталистической ренты, да и то весьма неполную.

заціи поземельной ренты, онъ считалъ необходимымъ вмѣстѣ съ тѣмъ обратиться къ рабочимъ классамъ съ увѣщаніемъ быть благоразумными и слѣдовать аскетическимъ правиламъ, сдерживающимъ размноженіе населенія. Болѣе рѣшительно былъ поставленъ вопросъ о націонализаціи земли въ «Соціальной Статикѣ» Герберта Спенсера, хотя въ настоящее время этотъ мыслитель отказывается отъ своихъ юношескихъ взглядовъ и даже пишетъ статьи, прямо направленныя противъ ученія Джорджа и другихъ націонализаторовъ. Въ «Соціальной Статикѣ» Спенсеръ поставилъ ясно и опредѣленно принципъ, защищаемый въ настоящее время Джорджемъ и Уоллэсомъ. Рента создается коллективнымъ трудомъ, она есть продуктъ общественнаго роста, а не индивидуальнаго отношенія землевладѣльца и земледѣльца къ силамъ природы. Справедливость, по словамъ Спенсера, не допускаетъ личной поземельной собственности. Дѣйствительно, если одинъ участокъ земли можетъ, безъ нарушенія справедливости, быть частной собственностью, то нельзя считать несправедливымъ и такой порядокъ дѣлъ, при которомъ весь земной шаръ принадлежалъ бы одному землевладѣльцу. Въ такомъ случаѣ весь человѣческій родъ могъ бы жить на землѣ до тѣхъ поръ, пока имѣлъ бы на то позволеніе одного человѣка, и въ одинъ прекрасный день этотъ милостивый баринъ могъ бы сказать намъ всѣмъ: мнѣ надоѣло ваше присутствіе, убирайтесь на другую планету. Отрицая лэндлордизмъ, мы, по словамъ Спенсера, вовсе не должны возвратиться къ первобытнымъ общиннымъ порядкамъ. Весь вопросъ состоитъ въ замѣнѣ лэндлордовъ государствомъ. «Вмѣсто того, чтобы платить ренту какому-нибудь сэру Джону или лорду такому-то, мы будемъ платить ее обществу» [1]).

И такъ рента, при нормальномъ порядкѣ вещей, послужила бы главнымъ орудіемъ экономическаго прогресса. Всякое техническое и даже моральное улучшеніе увеличиваетъ ренту, т. е. при нормальномъ общественномъ устройствѣ будетъ увеличивать го-

---

[1]) Въ настоящее время Спенсеръ, однако, отказался отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и выступилъ въ качествѣ послѣдняго могикана теоріи экономической свободы (laisser faire). Слѣдуетъ замѣтить, что его критика весьма важна какъ противовѣсъ соціализму во вкусѣ Бисмарка.

сударственные рессурсы. Національзація ренты есть поэтому первый шагъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса.

Но на пути къ этой коренной экономической реформѣ стоитъ, повиднмому, еще одно не принятое во вниманіе препятствіе. Не станетъ ли ей противиться тотъ самый классъ населенія, которому мы желаемъ принести пользу, т. е. рабочій классъ и въ особенности мелкіе фермеры, и безъ того несущіе разные налоги? Не раззоримъ ли мы въ конецъ всѣхъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, лично обработывающихъ свою землю?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо, по словамъ Джорджа, понять различіе между типическимъ землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ, владѣющимъ клочкомъ земли, достаточнымъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей его семьи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ жилъ въ Дублинѣ нѣкій джентльменъ по имени Морфи. У него были помѣстья, самъ онъ никогда не посѣщалъ ихъ, но получалъ ренту, лежа на кровати. Это сказано не въ переносномъ смыслѣ. Курьезный землевладѣлецъ рѣшилъ въ одинъ прекрасный день, что человѣку свойственно валяться на постели, и онъ провелъ въ лежачемъ положеніи ровно восемь лѣтъ. Онъ лежа обѣдалъ, пилъ вино, курилъ сигары, провѣрялъ счеты и прочее. Когда прошло восемь лѣтъ, онъ вдругъ рѣшилъ, что лежать очень скучно, всталъ, одѣлся и нѣсколько лѣтъ ходилъ какъ и всѣ люди. Затѣмъ онъ померъ. Исторія не говоритъ ни о какихъ бѣдствіяхъ, которыя испытала его семья за тѣ годы, когда почтенный глава семейства изволилъ валяться. По всей вѣроятности хозяйство не только не потерпѣло отъ этого ни малѣйшаго ущерба, но, наоборотъ, выиграло, потому что нашъ чудакъ, во время своей добровольной болѣзни, тратилъ на себя сравнительно немного.

Теперь представьте себѣ мелкаго фермера, мужика, владѣющаго землей, которая составляетъ его полную собственность. Поставьте этого собственника въ положеніе упомянутаго джентльмена, и вы тотчасъ увидите, насколько интересы труда преобладаютъ для мужика надъ интересами поземельной ренты.

Не надо пускаться въ глубокомысленныя соображенія для того, чтобы понять, что мелкій фермеръ платитъ въ настоящее время

не одинъ поземельный налогъ, но и налогъ падающій на заработную плату.

Всѣ косвенные налоги падаютъ на него, какъ на потребителя, совершенно независимо отъ того, работаетъ ли онъ на своей или на чужой землѣ.

Цѣнность всѣхъ земледѣльческихъ орудій, одежды, домашней утвари находится въ зависимости отъ существующей финансовой системы.

Поземельныя подати, существующія въ наше время, падаютъ далеко неравномѣрно на мелкую и крупную поземельную собственность, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ размѣръ обложенія удобной земли одинаковъ для всѣхъ классовъ населенія; крупные собственники рѣдко обработываютъ всю землю, вслѣдствіе чего значительная часть удобныхъ земель часто попадаетъ въ разрядъ неудобныхъ. Въ Америкѣ мелкіе фермеры тщательно обработываютъ и удобряютъ всю землю, тогда какъ у крупныхъ собственниковъ значительныя пространства земли совсѣмъ не распахиваются или удобряются кое-какъ. Если налогъ падетъ одинаково на всѣ земли, то ясно, что мелкіе фермеры выиграютъ. Далѣе, наибольшее возростаніе цѣнъ мы замѣчаемъ для городской поземельной собственности; а потому національзація городской поземельной ренты снимаетъ съ селеній значительную часть податнаго бремени, тѣмъ болѣе, что налогъ упадетъ не на дома, а на всѣ мѣста, включая пустопорожнія. Правда, мелкая собственность, подобно крупной, упадетъ въ цѣнѣ; но мелкій собственникъ ничего не теряетъ отъ этого, и, наоборотъ, онъ выиграетъ отъ возростанія заработной платы и удешевленія жизни.

«Я не желаю никого убѣдить, говоритъ Джорджъ. Я желаю возбудить въ каждомъ самостоятельное мышленіе». Матеріальное развитіе должно сопровождаться развитіемъ общественнаго сознанія.

Джорджъ замѣчаетъ мимоходомъ, что одно изъ важныхъ средствъ для возростанія этого сознанія состоитъ въ участіи женщинъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Все что нисколько не интересуетъ женщинъ, не можетъ привлечь того вниманія мужчинъ, какое было бы возможно при совмѣстной дѣятельности тѣхъ

и другихъ. Многіе утверждаютъ, что умственныя способности у женщинъ развиты менѣе, чѣмъ у ихъ мужей и братьевъ; но если даже допустить справедливость такого мнѣнія, то кто рѣшится утверждать, что женщина не имѣетъ вліянія на мужчину и не можетъ побуждать его къ хорошимъ поступкамъ?

Всякая крупная общественная реформа основывается не на эгоизмѣ и узкой пользѣ, а на сознаніи нравственнаго долга. Зависть къ богатымъ есть чувство, близкое къ обожанію богатства, т. е. въ ней скрывается та самая сила, которая создаетъ классъ богачей. Одинъ итальянскій агитаторъ получилъ пару новыхъ ботинокъ. Онъ успокоился и увѣровалъ, что всѣ народныя нужды теперь нашли полное удовлетвореніе. Подобные факты извѣстны также въ исторіи борьбы, которую вели рабочіе союзы противъ фабрикантовъ. Коренной недостатокъ этой борьбы состоитъ въ томъ, что въ основѣ ея лежитъ не сознаніе долга, а эгоизмъ.

Союзъ затѣвающій стачку, заботится о томъ, чтобы добиться отъ фабриканта болѣе выгодныхъ условій для себя. Правда, человѣческое общество устроено такъ, что серьезная борьба за свои права всегда соединяется съ борьбой за права другихъ людей, и въ этомъ можно было бы видѣть хорошую сторону стачекъ, если бы ихъ дѣйствіе не походило на наполненіе водою бездонной бочки. Никакая стачка не повыситъ на долгое время заработной платы данной группы рабочихъ надъ платою другихъ группъ. Единственнымъ серьезнымъ средствомъ улучшить положеніе труда являются поэтому лишь такія мѣры, которыя относятся ко всему рабочему населенію, безъ различія занятій, при чемъ если можно говорить о какомъ либо предпочтеніи, то оно должно быть оказано интересамъ наименѣе обезпеченныхъ поденщиковъ и поденщицъ; на практикѣ мы видимъ, что рабочіе союзы преимущественно поддерживаютъ интересы наиболѣе обезпеченной части рабочаго класса.

Справедливо сказалъ Мадзини, что «естественныя права» должны быть названы «естественными обязанностями» человѣка. Не интересъ, а нравственный долгъ служитъ двигателемъ истиннаго прогресса. Глубочайшая философія заключается въ словахъ того, кто повелѣлъ намъ любить ближняго, какъ самаго себя.

Эта простая заповѣдь достаточна для того, кто серьезно и и честно посвящаетъ свою жизнь рѣшенію соціальныхъ вопросовъ.

Мы изложили содержаніе послѣдняго труда Джорджа (Social Problems by H. George 1884), составляющаго дополненіе къ его главному труду „Прогрессъ и Бѣдность“. Скажемъ нѣсколько словъ и объ этой книгѣ, имѣвшей громадный успѣхъ въ Америкѣ и въ Англіи.

Главную цѣль изслѣдованій Джорджа составляетъ рѣшеніе вопроса о происхожденіи бѣдности въ обществахъ, гордящихся своимъ колоссальнымъ прогрессомъ въ области науки и техники. Трудъ постоянно пріобрѣтаетъ все болѣе значительную производительную силу; а между тѣмъ бѣдность не только не уменьшается, но возростаетъ, и заработная плата постоянно стремится къ уровню, едва достаточному для существованія рабочей семьи. Это явленіе давно уже стало хроническимъ на западѣ Европы, но въ послѣднее время грозитъ сдѣлаться всеобщимъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, которые еще недавно считались обѣтованной землей для европейскаго пролетаріата.

Школа Мальтуса, Рикардо и Милля признаетъ указанный законъ, получившій въ Германіи названіе „желѣзнаго закона заработной платы“ и пытается объяснить его. Обыкновенное объясненіе состоитъ въ слѣдующемъ: средній уровень вознагражденія труда, говорятъ экономисты, опредѣляется отношеніемъ между „капиталомъ, идущимъ на заработную плату“ или „рабочимъ фондомъ“ и числомъ рабочихъ.

Пусть напр. всѣ рабочіе въ данный день получили въ видѣ заработной платы деньги или продукты на сумму 1 милл. рубл., число же рабочихъ равно 2 милл. Тогда средній уровень заработной платы равенъ 50 к. Но число рабочихъ, по ученію Мальтуса, стремится возрастать быстрѣе, нежели „рабочій фондъ“, составляющій слишь часть средствъ существованія, тогда какъ и вся ихъ сумма ро тетъ медленнѣе, чѣмъ число рабочихъ; и такъ, если рабочій фондъ увеличился вдвое, напр. съ 1 на 2 милліона, то рабочее населеніе возросло быстрѣе, напр. учетверилось, при чемъ очевидно, что средній уровень заработной платы (2 милл. рубл. на 8 милл. рабочихъ даютъ 25 к. на 1 рабочаго) понизился вдвое. Если же по какимъ либо случайнымъ причинамъ „рабочій фондъ“ временно возростаетъ быстрѣе, чѣмъ рабочее населеніе, то заработная плата неминуемо повышается.

Джорджъ поражаетъ эту теорію въ самый корень, отрицая всѣ ея основныя положенія. Прежде всего существованіе „рабочаго фонда“

т. е. извѣстной суммы цѣнностей, заранѣе отложенной на прокормленіе будущаго труда, возможно лишь въ томъ случаѣ, если вообще будетъ доказано, что заработная плата заимствуется изъ наличныхъ капиталовъ. Именно этого нельзя доказать, и Джорджъ, наоборотъ, доказываетъ, что заработная плата, и не только она одна, но еще нѣкоторый излишекъ, создается трудомъ во время самаго процесса производства. Эта теорема сходна съ ученіемъ Маркса о цѣнности вообще и о прибавочной цѣнности, создаваемой трудомъ; но Джорджъ основывается на совсѣмъ иныхъ аргументахъ. Его ученіе о созиданіи заработной платы имѣетъ преимущество передъ ученіемъ Маркса по наглядности и простотѣ, но страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что Джорджъ составилъ себѣ ложное понятіе о процентѣ на капиталъ.

Ученіе Джорджа о „производствѣ“ заработной платы важно въ томъ отношеніи, что оно непосредственно связано съ теоріей кооперації (сотрудничества) и раздѣленія труда, составляющей основаніе всей политической экономіи. Главное отличіе цивилизованнаго общества отъ нецивилизованнаго состоитъ въ сложности кооперації. Но хотя дикарь удовлетворяетъ своимъ потребностямъ непосредственно, мы же при помощи обмѣна, для современнаго рабочаго остается справедливымъ законъ, гласящій, что трудъ всегда добываетъ всѣ потребляемые имъ продукты. Рабочій въ полномъ смыслѣ слова участвуетъ въ производствѣ того хлѣба, который ѣстъ, хотя бы онъ вмѣсто земледѣлія и печенія булокъ занимался шитьемъ сапогъ или сочиненіемъ ученыхъ трактатовъ, такихъ конечно, которые не составляютъ непроизводительной траты бумаги. Рабочій, дѣйствующій мѣхами, точно также участвуетъ въ производствѣ подковы, какъ и кузнецъ; но въ томъ же производствѣ косвенно участвуетъ и крестьянинъ, продающій кузнецу хлѣбъ. Послѣ этого ясно, что каждый рабочій производитъ непосредственно или косвенно всѣ потребляемыя имъ матеріальныя блага, и что стало быть они не заимствуются изъ какого либо наличнаго фонда, подобнаго фонду, съ котораго живутъ увѣчные, больные и праздные люди.

Вмѣстѣ съ теоріей рабочаго фонда падаютъ всѣ выведенныя изъ нея слѣдствія, какъ напр. ученіе Милля, по которому „размѣры производства ограничены размѣрами капитала“. „Желѣзный законъ“ не можетъ, слѣдовательно, считаться послѣдствіемъ недостатка капиталовъ. Колонисты, населяющіе плодородную страну, не смотря на отсутствіе „свободныхъ капиталовъ“ живутъ въ довольствѣ.

И такъ остается еще одна лазейка: если скудость капитала не есть причина низкой заработной платы, то происхожденіе бѣдности можно, по теоріи экономистовъ, объяснить лишь фатальными законами природы, стремленіемъ населенія рости въ геометрической прогрессіи.

Джорджъ показываетъ нелѣпость мальтузіанской паники (это выраженіе я заимствую у Спенсера). Но если такъ, то ясно, что причина бѣдности коренится въ самомъ обществѣ, и по всей вѣроятности имѣетъ нѣчто общее съ причиною богатства. Главный признакъ быстро прогрессирующаго матеріальнаго прогресса составляетъ возростаніе цѣнности земли и увеличеніе ренты: вотъ гдѣ, стало быть, слѣдуетъ искать законъ, опредѣляющій уровень заработной платы.

Рента есть плата за пользованіе тѣми силами природы, которыя первоначально принадлежали всему обществу, но впослѣдствіи стали собственностью частныхъ лицъ. Джорджъ утверждаетъ, что ученіе о рентѣ заимствовано имъ у Рикардо; но на самомъ дѣлѣ онъ согласенъ лишь съ тѣмъ положеніемъ Рикардо, что рента зависитъ не отъ абсолютнаго, а отъ относительнаго плодородія земли. Монопольный характеръ ренты, очень плохо понятый Рикардо, составляетъ для Джорджа главное.

Утверждая, что „поземельная рента есть избытокъ продукта данной земли надъ продуктомъ, который можетъ доставить наихудшая земля, подвергнутая такой же культурѣ“ Джорджъ даетъ основаніе гораздо болѣе широкое, чѣмъ то, которое далъ Рикардо, ограничившійся изученіемъ капиталистическаго фермерства. Притомъ подъ „землей“ Джорджъ подразумѣваетъ не одну землю, а всѣ силы природы, которыя могутъ быть предметами частной собственности. Въ нѣкоторыхъ степныхъ мѣстностяхъ вода цѣнится гораздо болѣе земли: такъ у ахалъ-текинцевъ вмѣсто землевладѣнія существуетъ водовладѣніе, и земля цѣнится исключительно по числу находящихся на ней колодцевъ[1]).

Происхожденіе процента или „вознагражденія за пользованіе капиталомъ“ Джорджъ объясняетъ довольно своеобразнымъ способомъ. Богатства, по его словамъ, бываютъ двухъ родовъ: ихъ можно раздѣлить на мертвыя и живыя. Инертная матерія, напр. камень, не можетъ сдѣлаться болѣе полезной, чѣмъ она была раньше, безъ приложенія человѣческаго труда; иное дѣло живая матерія, напр. теленокъ, который становится быкомъ помимо всякаго труда человѣка, въ силу своего собственнаго органическаго роста и развитія. Существующее въ обществѣ раздѣленіе труда распредѣляетъ богатства такимъ образомъ, что нѣкоторые изъ насъ владѣютъ преимущественно инертными благами, другіе—благами живыми, т. е. самовозрастающими. Если бы всѣ продукты были инертны, то процентъ на капиталъ былъ бы „чистымъ грабежемъ“ (слова Джорджа).

Но предположимъ, что собственникъ скота находится въ торговыхъ сношеніяхъ съ собственникомъ муки. Нельзя утверждать, что

---

[1]) Сообщеніе г. Артамонова въ Геогр. Общ.

собственникъ скота имѣетъ право на процентъ, а продавецъ муки не имѣетъ этого права, потому что въ силу раздѣленія труда скотоводъ косвенно участвуетъ въ производствѣ муки, а торговецъ мукою въ производствѣ продуктовъ скотоводства. Стало быть оба имѣютъ одинаковое право на процентъ.

Что̀ дѣйствительно таково историческое происхожденіе капитала и процента, съ этимъ мы не станемъ спорить, и заслугу Джорджа составляетъ указаніе на эту сторону вопроса. Самое слово капиталъ (отъ caput голова, штука скота) означало первоначально число головъ скота, и наши слова ростъ (процентъ) и скотъ (древнее названіе денегъ) указываютъ на тотъ же историческій процессъ развитія.

Но отсюда еще далеко до санкціонированія процента. Рабство также возникло исторически, но нельзя сдѣлать отсюда выводъ, что оно должно существовать на вѣчныя времена.

Подробный разборъ ученія Джорджа не входитъ въ программу этой статьи. Замѣчу только, что для оправданія своей теоріи процента, Джорджъ вынужденъ проводить строгое различіе между нормальнымъ и спекулятивнымъ процентомъ, при чемъ этотъ послѣдній онъ сопоставляетъ съ рентой и считаетъ слѣдствіемъ монополіи или неправильнаго захвата того, что составляетъ общее достояніе.

